

ПАТРИЦИЯ МЭТТЮЗ

Навстречу счастью

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Патриция Мэтьюз
Навстречу счастью

«Издательство АСТ»

1990

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Мэтьюз П.

Навстречу счастью / П. Мэтьюз — «Издательство АСТ»,
1990 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-149576-3

У Джемайны Бенедикт хватало блестящих поклонников, однако гордая и независимая девушка, превыше всего ставившая свободу, предпочла делать карьеру в популярном журнале для дам в Филадельфии. Там-то и встретилась она с коллегой-журналистом Оуэном Тэзди... Оба они не мыслят себя в браке и нацелены исключительно на профессиональный успех. Однако какие доводы рассудка, какие карьерные устремления могут помешать мужчине и женщине, страстно и взаимно влюбленным друг в друга?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-149576-3

© Мэтьюз П., 1990

© Издательство АСТ, 1990

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Патриция Мэтьюз

Навстречу счастью

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Patricia Matthews

THURSDAY AND THE LADY

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Pinder Lane & Garon-Brooke Associates, LTD.

© Robert Thixton, 2020

© Перевод. В. И. Матвеев, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

Наша постоянная цель – правильно ориентировать читательниц при выборе литературы. Мы не осуждаем чтение романов и не считаем его бесполезной тратой времени, если эти романы, конечно, не слишком низкопробные. Мы убеждены, что это «развлечение» следует выбирать в соответствии со вкусами и руководствуясь разумными принципами, которые главным образом и управляют всеми нашими поступками.
Журнал «Гюдииз ледиз бук»

В подвале дома на Хестер-стрит было чрезвычайно душно из-за нестерпимой жары на улице. Раскаленная решетка, на которой стояли горячие утюги, делала атмосферу в помещении еще более невыносимой.

Хотя воздух был неподвижен, крошечные частички ниток от недавно разрезанной ткани плавали по комнате, проникая во все щели. Невидимые пылинки забивали ноздри. Некоторые женщины говорили, что привыкли к таким условиям, но Джемайна Бенедикт, проработавшая в мастерской по пошиву мужских рубашек уже целую неделю, была убеждена: к этому привыкнуть невозможно. Она понимала, что никогда не смогла бы приспособиться и к тому, чтобы долгие часы, склонившись над рабочим столом, орудовать иглой с ниткой, пока не воспалятся глаза, а пальцы не покроются болячками. Даже ночью, в крохотной комнатенке, в обшарпанном многоквартирном доме, девушка с закрытыми глазами продолжала видеть мелькающие блестящие иголки.

Закончив шитье рубашки, Джемайна распрямилась, вытерла пот со лба и оглядела огромное мрачное помещение. Делать это приходилось украдкой – в швейной мастерской, принадлежавшей Лестеру Гилрою, не разрешалось отрываться от работы.

На полу лежали тюки с тканями, которые вскоре должны были превратиться в мужские рубашки. Узкие окна в подвале были грязные и пропускали мало света. Они никогда не открывались.

В мастерской Гилроя существовала сдельная оплата труда. Швеи получали двадцать пять центов за рубашку, но даже самые лучшие работницы могли сшить всего дюжину за неделю. Детям, подносящим ткань и уносящим готовые изделия, платили еще меньше.

Ист-Сайд Нью-Йорка буквально изобиловал подобными мастерскими, производившими различные виды одежды. Один только Гилрой имел полдюжины таких предприятий на Хестер-стрит. Джемайна знала, что в некоторых мастерских платят больше, но здесь отчаявшиеся женщины готовы работать даже за низкую плату и в жутких условиях. Хозяин часто говорил, что каждая швея, если захочет, может в любое время оставить работу – десятки других с нетерпением ждут освободившееся место.

Джемайна была незнакома с условиями труда в других швейных мастерских, но сомневалась, что они лучше, чем здесь. Лестер Гилрой нанимал жестоких надсмотрщиков, брал на работу детей и малоопытных женщин. Условия у него были ужасные. Женщины тайком ворчали и жаловались Джемайне, но только вне мастерской, опасаясь, что их могут подслушать и доложить хозяину.

Лестер Гилрой заработал славу самого жестокого эксплуататора женщин.

– Ида!

Джемайна не сразу откликнулась на зов, совсем позабыв, что, устраиваясь на работу в мастерскую Гилроя, назвалась Идой Морган.

– Ида! Тебе лучше вернуться к работе. Громила идет.

Это сказала Мэй Картер, швея, сидящая за соседним столом. Громилой называли Берта Конроя, надсмотрщика, получавшего удовольствие оттого, что ловил *бездельниц*, которых строго наказывал или даже увольнял, если считал нарушение достаточно серьезным.

Джемайна поспешно вернулась к работе.

В то время как она склонилась над своим шитьем, раздался резкий окрик:

– Эй, ты! Я хочу поговорить с тобой. Девушка обернулась и увидела Лестера Гилроя и Берта Конроя, быстро приближающихся к ней. Гилрой остановился у ее рабочего стола со свирепым выражением лица.

– Я наконец вспомнил, где видел тебя раньше. Тебя зовут не Ида Морган, а Джемайна или что-то вроде этого.

Джемайна посмотрела на владельца мастерской, и у нее упало сердце. Девушку предупреждали, что Гилрой опасный тип и ей у него появляться рискованно.

– Ты пришла сюда совсем не для того, чтобы работать, – проворчал Гилрой, – и я хочу знать зачем.

Джемайна оглядела комнату и сразу поняла: помощи ей ждать не от кого. Женщины с побледневшими лицами испуганно смотрели на нее.

– Пойдешь со мной, – приказал Гилрой, резко взмахнув рукой. – Сейчас же!

Часть первая

В прошлом номере мы отметили все преимущества женщин, занимающихся домашним хозяйством. Уверены, что внимательные мужья одобряют сделанные нами выводы, как и наши постоянные читательницы, самые лучшие и добропорядочные леди. Необходимо также выразить искреннее сочувствие тем женщинам, которые вынуждены сами заботиться о себе, и пожелать им найти подходящую работу.

Журнал «Гудиз ледиз бук»

Глава 1

– О, эта проклятая женщина! – сердито воскликнул Генри Бенедикт.

Немного испуганная такой необычной вспышкой отца, Джемайна оторвала взгляд от книги. Сидящая напротив нее Бесс Бенедикт также посмотрела на мужа, прервав свое шитье.

– Какая женщина, дорогой?

– Сара Джозефа Хейл, – проворчал Генри Бенедикт. Очки сползли на кончик его довольно внушительного носа, когда он взмахнул журналом, который читал. – И это издание «Гудиз ледиз бук». Ему не место в приличных домах! Некоторые статьи носят явно бунтарский характер!

– Но, Генри, журнал очень популярен. Мне известно, что у него большой тираж. Все самые порядочные люди читают его.

– Тем более надо запретить. Публикуя скандальные статьи, он развращает умы невинных женщин! Я однажды прочитал, как эта Сара Хейл утверждала: «Мужья могут не беспокоиться – их жены не найдут на страницах журнала ничего такого, что заставило бы их относиться менее прилежно к своим домашним обязанностям или вторгаться в прерогативы мужчин». Ха! Эта женщина лжет. Будь она мужчиной, ее следовало бы вызвать на дуэль!

– Но ведь этот журнал для женщин, дорогой, – мягко заметила жена. – Зачем ты читаешь его?

– Потому что мой долг мужа и отца – знать содержание того, что читают в моем доме.

Джемайна почувствовала: она должна вмешаться, хотя знала, что разозлит отца.

– Полагаю, миссис Хейл – высокопорядочная женщина, отец, и является примером для нас. Она умный человек и доброжелательный редактор. Ее мысли и высказывания поддерживают многие женщины.

Румяное лицо отца еще больше покраснело, когда он взглянул на дочь.

– Ты так думаешь? Вероятно, уже начиталась этой дешевой чепухи?

– Да, – сдержанно ответила Джемайна. – Но это вовсе не чепуха, отец. Статьи и рассказы, которые публикует миссис Хейл, хорошо написаны и заставляют задуматься. Они совсем не похожи на те публикации в некоторых журналах и газетах, которые рассчитаны на сенсационность.

– По-твоему, нет ничего скандального в призывах допустить женщин на медицинский факультет университета? Ты также считаешь, что нет ничего сенсационного в том, что она призывает женщин отказаться от корсетов?

– А почему женщинам не позволяют заниматься медицинской практикой, отец? По крайней мере половина пациентов – женщины. Что касается призывов отказаться от корсетов, то я полностью согласна с миссис Хейл – затягивание талии вредит здоровью, ведет к состоянию

депрессии и частым обморокам. По-моему, корсеты очень неудобны, и вообще в них нет никакой необходимости.

– Нет необходимости? – Генри Бенедикт обратился к жене: – Видишь, Бесс, какие мысли внушает этот журнал? – Голос его возвысился. – Я скажу тебе, почему они необходимы, юная леди! Корсеты носят ради приличия. Я запрещаю тебе читать это издание! – Он стукнул журналом по подлокотнику кресла.

Джемайна отвернулась.

– Ты не можешь запретить, отец. Мне уже двадцать два года, и я буду читать все, что пожелаю.

– Ты моя дочь и, пока живешь в моем доме, будешь делать так, как я говорю! – вспылил отец. – Что касается этого проклятого журнала, то я немедленно откажусь от дальнейшей подписки!

– Это не остановит меня, – невозмутимо сказала Джемайна. – Во всех киосках есть экземпляры для продажи.

– Я запрещаю тебе покупать их, слышишь? Запрещаю!

Джемайна встала.

– Я иду спать. Спокойной ночи, отец. Спокойной ночи, мама.

Когда она вышла в гостиную, Генри Бенедикт крикнул ей вслед:

– Я запрещаю тебе, Джемайна!

Дочь, не останавливаясь, поднялась по лестнице к себе на второй этаж. Внешне она старалась сохранять спокойствие, но внутри вся дрожала. Генри Бенедикт, обычно вполне нормальный, разумный человек с ровным характером, буквально преображался, едва речь заходила о месте женщины в этом мире. Разделяя взгляды большинства мужчин своего времени, он был одержим нетерпимостью к женщинам, проявляющим общественную или деловую активность. Джемайна не могла припомнить, когда в последний раз он так сердился. Правда, последняя вспышка гнева не очень беспокоила девушку – это пройдет. Но что будет с отцом, когда он узнает о письме, написанном ею Саре Джозефе Хейл несколько дней назад? Его может хватить удар!

Оказавшись в своей комнате, Джемайна подошла к окну и долго стояла там, глядя невидящим взглядом на улицы бостонского Бикон-Хилла, полные людей, снующих в поисках укрытия от жары. Шел июль 1848 года.

Джемайна – высокая, статная девушка с превосходной фигурой, стянутой презираемым ею корсетом. Ее длинные волосы, такие черные, что при определенном освещении казались даже синими, разделены на прямой пробор и закрывают уши, а сзади уложены кольцом. Широко посаженные синие глаза светятся живым умом. У нее короткий, как у матери, слегка вздернутый носик, такой же, как у миссис Бенедикт, довольно большой рот и полные, естественно-красные губы прекрасной формы.

В ее лице не было ничего от отца. Тетушка Хестер, сестра матери, однажды заметила:

– Клянусь, Генри, в этой девочке нет ничего твоего! Если бы я не знала свою сестру слишком хорошо, то усомнилась бы в ее супружеской верности.

При воспоминании об этом губы Джемайны тронула легкая улыбка: Генри Бенедикт был настолько оскорблен этими словами, что несколько месяцев после этого не разговаривал со свояченицей. Конечно, отцу следовало быть более снисходительным к тетушке Хестер. Ведь она была доброй, веселой, правда, немного легкомысленной, способной высказать все, что придет ей в голову. Оставшись вдовой, Хестер Макфи жила одна в Филадельфии. Но что хуже всего, считал Генри Бенедикт, – она работала, чтобы содержать себя: владела магазином дамских шляп на Честнат-стрит.

– Кто знает, что она вытворяет там, в Филадельфии? – мрачно говорил Генри Бенедикт. – К тому же еще и работает!

Однако среди многочисленных тетушек и дядюшек с обеих сторон – всего десять человек – девушка больше всех любила именно Хестер.

Хотя Джемайна и не унаследовала внешности отца, зато по характеру была такой же, как он, упрямой и непреклонной. Завершив в прошлом году учебу в пансионе благородных девиц в Бостоне, она не могла удовлетвориться тем, чтобы сидеть в гостиной и принимать ухаживания поклонников, которых одного за другим приглашали ее родители. Ей хотелось сначала многое познать, может быть, даже поработать несколько лет, прежде чем погрязнуть в семейной жизни.

– Что? И быть, как Хестер? – воскликнул отец. – Место женщины – в доме, дочка. Пусть мужчина обеспечивает свою семью, неустанно работая, а женщина должна вести домашнее хозяйство.

Джемайна понимала тщетность споров с отцом на эту тему, но в одном у нее была возможность сопротивляться – девушка с презрением отвергала женихов, которых предлагали родители. «Слава богу, – думала она, – что цивилизация продвинулась вперед и дочерей не заставляют выходить замуж против их воли!»

Генри Бенедикт очень расстраивался по этому поводу.

– В чем дело, Джемайна? Эти молодые люди из лучших бостонских семей и вполне достойны твоей руки. Многие девушки были бы в восторге, если бы им предоставилась возможность выйти замуж за одного из них.

– Вот пусть они и выходят, отец, – возражала дочь.

Джемайна знала, что еще удручает отца. Ее увлечение литературой. По его мнению, постоянное чтение вредит здоровью. Он никак не мог уразуметь, почему дочь все время сидит с книгой, вместо того чтобы проводить время со сверстниками. Джемайна понимала, что ей никогда не удастся объяснить ему, почему она предпочитает книги компании юношей и девушек, в основном детей друзей и знакомых ее отца. Большинство из них кажутся ей довольно пустыми и скучными.

Джемайна никогда не любила болтовню и притворство, которые считала неотъемлемой частью светских раутов. Она бы предпочла встречи с интересными людьми – представителями творческих профессий: писателями, художниками.

Девушка никогда никому не говорила об этом, но у нее была тайная мечта – самой стать писательницей.

Несколько месяцев назад ее мать начала выписывать журнал для женщин «Гоудиз ледиз бук». Стоя у окна, Джемайна тихо засмеялась: отец совсем недавно обнаружил, что происходит под самым его носом все это время.

Девушка читала каждый номер от корки до корки. Особенно ее потряс тот факт, что редактор журнала – женщина. Ей не терпелось узнать, как Саре Джозефе Хейл удалось добиться такого успеха.

Недолго думая, Джемайна написала Хестер Макфи в Филадельфию. Тетушка ответила, сообщив все, что ей известно о Саре Хейл. Джемайна сочла информацию удивительной и нашла в жизни Сары Хейл кое-что схожее со своей собственной. Миссис Хейл также была англичанкой, она родилась и выросла в Нью-Хэмпшире и только после двадцати пяти лет вышла замуж.

После внезапной смерти мужа она осталась без средств к существованию с пятью малолетними детьми и начала зарабатывать на жизнь различными способами. В конце концов попробовала писать, начиная от сентиментальных стихов до романа «Северный лес», который был хорошо принят читательской аудиторией.

Благодаря этому Саре предложили должность редактора в «Ледиз мэгэзин» – журнале для женщин. Она приняла предложение и начала успешно работать в новом качестве, настолько успешно, что Луис Гоуди, издатель соперничающего журнала, попытался привлечь ее на свою сторону. Сара отказалась, так как, работая в «Ледиз мэгэзин», давала возможность

зарабатывать еще нескольким женщинам и была верна им. В конце концов Гоуди пошел на то, что купил «Ледиз мэгэзин» и объединил оба издания в «Гоудиз ледиз бук». Таким образом Сара достигла своего настоящего положения.

И это все, дорогая Джемайна, что мне известно о ней. Я встречала миссис Хейл здесь, на приемах. Должна сказать тебе, что нахожу ее очень умной, энергичной, хорошо владеющей литературной речью женщиной.

Ты не сообщила мне причину своего интереса к миссис Хейл, и я, должна признаться, сгораю от любопытства. Причем настолько, что собираюсь приехать в Бостон на недельку и узнать из первых уст, что ты задумала. Очень подозреваю, что твой строгий отец вряд ли одобрит это. Не волнуйся, я надежный человек.

Твоя любящая тетьа Хестер

Хестер Макфи появилась в доме Бенедиктов подобно свежему ветру, в своей невероятно модной шляпке, сапожках, лайковых перчатках и с ярким зонтиком, который держала в руке, как знамя. Генри Бенедикт сразу же поспешил удалиться в свой кабинет и заперся там.

Хестер улыбнулась Джемайне и подмигнула. Затем надула розовые щеки.

– Дорогой Генри всегда прячется в своей норе, когда бы я ни появилась, не так ли?

– В данном случае, – сказала Бесс, прикрывая рукой улыбку, – ты несправедлива. Генри должен поработать.

– Ладно, не важно. Я приехала повидаться с Джемайной.

– В самом деле? – удивленно спросила Бесс. – Ради чего?

– Не волнуйся, сестра, – весело ответила Хестер. – Прежде всего она моя драгоценная племянница, и бог знает, как редко мы видимся. – Она обняла Джемайну. – Пойдем наверх, юная леди.

Джемайна, взволнованная, но довольная, позволила увлечь себя вверх по лестнице в свою комнату.

Зная порывистость тетки и бесполезность урезонивать ее, Джемайна тем не менее выговорила:

– Твои загадочные слова не на шутку взволновали маму.

– Ерунда! – возразила Хестер, размахивая свернутым зонтиком. – Осмелюсь сказать, мне позволительно иметь секреты со своей племянницей. А сейчас – тем более! Говори, зачем тебе понадобилась Сара Хейл?

Джемайна долго размышляла, получив письмо от Хестер, и теперь была готова к встрече с ней.

– Сначала ты должна прочитать кое-что. – Она подошла к комоду, достала рукопись и молча протянула ее тете.

Хестер удивленно приподняла бровь:

– Что это, скажи на милость?

– Сначала прочитай, – настаивала Джемайна. – Затем поговорим.

Хестер взяла рукопись и, сев на кушетку, начала быстро читать, потом удивленно взглянула на Джемайну и замедлила чтение. Закончив, положила страницы рукописи на колени и задумчиво посмотрела на племянницу.

– Хорошо! – удовлетворенно проговорила она. – Кажется, у моей девочки талант!

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– Ты действительно так думаешь?

– Разумеется. Конечно, я не редактор, но читала достаточно много и не сомневаюсь: написано хорошо. Во всяком случае, твоя статья не хуже тех публикаций, которые мне приходилось видеть. – Хестер взглянула на Джемайну. – Почему ты держала это в тайне от меня?

– О, об этом никто не знал, – взволнованно ответила Джемайна.
– Это все, что ты написала?
– Нет, есть еще несколько статей.
– Почему ты не представила их для публикации? Леди не допускают ко многим профессиям, однако в настоящее время некоторые издания публикуют статьи, написанные женщинами.

– Боялась, что они недостаточно хороши, – вздохнула Джемайна.
– Совсем не похоже на тебя. Ты никогда не страдала от недостатка смелости.
– А это другое дело, тетя Хестер. Здесь много личного. Я как бы выношу на суд частичку самой себя. И оказаться отвергнутой для меня было бы мучительно.

Хестер раздраженно заметила:

– Моя дорогая, мучение – часть нашей жизни. Каждый раз, пытаясь совершить нечто экстраординарное, мы рискуем пострадать.

– Ты права, тетя Хестер. – Джемайна улыбнулась. – Тогда, может быть, согласишься с тем, что я сделала.

Хестер подозрительно взглянула на девушку:

– Что именно, скажи на милость?

– Речь идет о статье, которую ты только что прочитала. Я отправила ее на рассмотрение.

Хестер улыбнулась.

– Ты послала ее в «Гоудиз ледиз бук»? Поэтому тебя интересовала Сара Хейл?

– Да, я послала статью миссис Хейл.

– Удачи тебе, девочка! – Хестер стукнула зонтиком по кушетке. – Отзыва еще не было?

– Пока нет. Но это не все. – Джемайна подошла к комоду. – Вместе со статьей я послала сопроводительное письмо.

Она протянула тете еще один лист бумаги. Хестер прочитала вслух:

Дорогая миссис Хейл, посылаю на Ваш суд свою рукопись. Надеюсь, сочтете ее подходящей для публикации в «Гоудиз ледиз бук». Даже если и решите, что статья не пригодна для публикации, я хотела бы работать в Вашем журнале. Зная о Ваших доблестных усилиях в борьбе за права женщин, одобряю все Ваши действия в этой области. Надеюсь, Вы оцените мои способности на примере этой рукописи. Очень хочу сделать писательский труд своей профессией и пройти школу под Вашим руководством независимо от того, какую должность мне предложите.

Искренне Ваша, Джемайна Бенедикт

Хестер подняла голову.

– Прекрасно!

– Не слишком ли рано? – беспокойно спросила Джемайна.

– Нет-нет, вовсе нет. В наше время, если женщина сама не обратит внимание на свои достоинства, кто сделает это за нее? Однако ты действительно хочешь работать в «Гоудиз ледиз бук»? Я восхищаюсь тем, как ты пишешь, но готова ли жить одна, вне дома?

– Я должна выбраться отсюда, тетя Хестер. Здесь я задыхаюсь. – Джемайна начала взволнованно ходить по комнате. – Все, что мне позволяют делать – это сидеть в гостиной и выбирать жениха из кандидатов, которых приглашает отец!

– Понимаю, дорогая девочка. Думаешь, мои родители не делали то же самое? – Хестер улыбнулась. – Процедура сродни аукциону, на котором выставляют рабыню. Есть единственный способ избавиться от этого: выйти замуж за одного из них, как это сделала я.

– Не желаю! Все равно что из одной тюрьмы попасть в другую. Кроме того, мне хотелось бы выйти замуж по любви, а я пока еще не встретила человека, который вызвал бы во мне такое чувство.

Хестер печально кивнула:

– Однако мне повезло. Я была вполне довольна и счастлива с моим Томасом.

– Тетя Хестер... – Джемайна перестала ходить по комнате. – Если случится такое чудо и миссис Хейл возьмет меня на работу, могла бы я пожить у тебя в Филадельфии? Или это создаст какие-нибудь сложности?

– Все нет, Джемайна. – Хестер встала и взяла племянницу за руку. – Буду очень рада тебе. Я ведь одинокая старая леди. Но как же Генри?

– Он, конечно, будет против, я знаю.

– Придется закрыть на это глаза, – сухо проговорила Хестер и добавила: – Жить со мной вне его дома – это еще полбеды. Но работа! Неужели его дочь будет работать?!

– Я уже взрослая женщина. – Джемайна выпрямилась. – Я достигла совершеннолетия.

– По мнению Генри, если я хоть сколько-нибудь разбираюсь в мужчинах, ни одну из женщин нельзя считать совершеннолетней.

– Он не сможет остановить меня, тетя Хестер, и запереть в комнате. Буду бороться с ним.

– Вижу. – Хестер одобрительно посмотрела на нее. – Ты действительно стала взрослой. – Она поцеловала Джемайну в щеку. – И я всем сердцем поддерживаю тебя.

– Правда, все может оказаться напрасно, – сказала Джемайна, внезапно сникнув. – Вдруг миссис Хейл решит, что у меня вовсе нет таланта!

На следующий день пришло письмо от Сары Хейл.

Дорогая мисс Бенедикт, с большим интересом прочитала Вашу статью и приняла ее для публикации в «Бук». Если Вас устраивают условия, через несколько дней Вы получите по почте чек на тридцать долларов.

Так случилось, что мне требуется новый помощник, однако необходимо поближе узнать Вас, потому мы должны встретиться лично. Не могли бы Вы приехать в Филадельфию для собеседования? Сообщите мне об этом как можно скорее.

Искренне Ваша, Сара Хейл

Глава 2

Сара Хейл, сидя за столом в своем кабинете, с серьезным видом смотрела на мужчину, сидящего напротив. Луис Гоуди был поглощен чтением письма, которое Сара дала ему. Во время чтения он перебирал пальцами цепочку часов, свисающую из кармана жилета, плотно облегающего его широкую грудь.

У Гоуди высокий лоб, над которым волосы уже начали редеть, пухлые щеки с резкими линиями, спускающимися до круглого подбородка и обрамляющими рот. В его внешности проскальзывает что-то тщеславное, и Сару всегда забавляет вид причудливой завитушки у него на лбу. Черты его лица говорят о мягкости и благовоспитанности. Сара хорошо знала, что наряду с открытым выражением лица он обладал также пронизательным умом.

Гоуди поднял голову и поджал губы.

– Не знаю, Сара. Письмо само по себе мало говорит о девушке. Ты считаешь, ее статья хороша?

– Превосходна, Луис. Она явно талантлива, я уверена. Но надо помочь ей развить талант.

– Ладно, согласен. Мне хорошо известна твоя пронизательность. Ты открыла многих прекрасных авторов для нашего издания. А что ты можешь сказать о ее редакторских способностях?

– Ты знаешь мое мнение по этому поводу, Луис. Чтобы оценить то или иное произведение, редактор сам должен обладать писательскими способностями. Многие не согласны со мной, но это мое убеждение. Думаю, ей подошла бы должность редактора-корреспондента. Если, конечно, я возьму ее на работу. Не смогу принять решение, пока не поговорю с ней.

– Значит, девушка приедет в Филадельфию?

Сара кивнула:

– Да, сегодня. Скоро должна появиться.

– В таком случае оставляю это дело тебе. А сейчас... – Гоуди подался вперед на своем стуле, – поговорим о твоей статье в следующем номере, посвященной персоне Элизабет Блэквел...

– Персоне? – Сара слегка улыбнулась. – Мисс Блэквел женщина, Луис. Почему бы не выразиться именно так?

– Хорошо, – раздраженно промолвил Гоуди. – Пусть будет женщине.

– Что-то не так в этой статье, Луис? – простодушно спросила Сара.

– Черт возьми, ты прекрасно понимаешь, в чем дело! – воскликнул Гоуди. – Это ее стремление поступить в медицинский колледж идет вразрез с существующими традициями, и тебе это хорошо известно.

Сара мягко улыбнулась:

– Для нее поступление в колледж имеет большое значение.

– Знаю, – проворчал Гоуди. – Но мне не нравится, что ты используешь «Бук» для обсуждения этой проблемы. Ведь я против вовлечения нашего издания в политику и публичные споры.

– Да, Луис, мне известна твоя позиция.

Сара встала и, повернувшись к нему спиной, посмотрела в окно на Честнат-стрит. Хотя ей шел шестидесятый год, она выглядела моложе лет на десять. Аккуратно одетая в консервативном стиле – правда, без корсета, – миссис Хейл обладала властной внешностью. Черные волосы, слегка тронутые сединой, ниспадали локонами на плечи. Лицо полное и круглое, темные глаза – мягкие и умные, в них еще вспыхивал огонь, когда ее охватывало волнение.

Она обернулась, сложив руки на груди.

– Сожалею, что наше издание оказывается так или иначе вовлеченным в политику.

– Особенно последний номер. И если не непосредственно в политику, то уж непременно в обсуждение социальных вопросов. Ты знаешь, что выражение подобных взглядов может задеть некоторую часть мужей наших читательниц...

– О да, Луис, – сухо сказала Сара. Она взглянула на потолок. – Помнишь, я писала в передовой статье: «Мужья могут не беспокоиться – их жены не найдут на страницах журнала ничего такого, что заставило бы их относиться менее прилежно к своим домашним обязанностям или вторгаться в прерогативы мужчин?»

– Многие мужчины могут истолковать принятие мисс Блэквел в медицинский колледж как вторжение в мужские прерогативы.

– Но я также писала, если помнишь, в той же статье». «В этом веке нововведения могут оказать более важное влияние на процветание нашего общества благодаря возможности, данной женщинам, получить всестороннее образование. При этом честь победы разума над укоренившимися предрассудками принадлежит мужчинам Америки».

Гоуди улыбнулся:

– Помню. Последняя строчка – классический пример способности Сары Хейл использовать лесть для успокоения разгневанных мужчин. – Он стал серьезным. – Однако этот номер посвящен другой тематике, Сара.

– Ты же сам часто говорил, что строго придерживаешься мнения о необходимости предоставления женщинам возможности получать всестороннее образование. – В ее словах звучал вызов.

– Верно, Сара. Это мое личное мнение, но зачем использовать «Бук» для того, чтобы сыпать соль на раны?

– «Бук», Луис, стал мощным рупором нации благодаря нашему с тобой руководству.

– Это так, но только потому, что мы никогда не поддерживали непопулярных мнений.

Сара слегка улыбнулась:

– Не забывай, что бывает с теми, кто ведет двойную политику, Луис, особенно из числа мужчин.

– Сара, вряд ли женщине следует делать подобные замечания. – Гоуди встал. – А теперь ответь: могу ли я рассчитывать, что содержание следующего номера будет приведено в порядок?

– А я могу рассчитывать, что имею право лично поддерживать Элизабет Блэквел?

– Пожалуйста, если это не касается «Бук». – Гоуди улыбнулся. – Я хорошо знаю, насколько бесполезно запрещать тебе что-либо. – Он склонил свою большую голову. – Желаю тебе доброго утра, Сара.

Сара стояла, улыбаясь вслед своему хозяину, в то время как он, тяжело шагая, выходил из ее кабинета. Она очень любила Луиса Гоуди и была чрезвычайно благодарна ему. Предоставив ей должность редактора в таком престижном издании, он оказал ей большое доверие и милость. Хотя Сара и сама добилась такого признания и влияния, чем вызывала зависть многих женщин. Тем не менее она всегда будет благодарна Луису Гоуди.

Когда Сара направилась к своему письменному столу, послышался легкий стук, и, прежде чем она успела что-либо сказать, дверь приоткрылась, и в проеме появилось мужское лицо.

– Доброе утро, дорогая. Я проходил мимо и подумал, не поприветствовать ли мне мою единственную любовь.

Сара ласково рассмеялась:

– Оуэн, ты лгун и негодяй.

– Конечно, дорогая. Разве я отрицаю это?

– Слышала, ты был где-то на западе и писал репортажи о войне с индейцами.

Оуэн Тэзди вошел в кабинет и присел на краешек письменного стола Сары, покачивая ногой.

– В настоящий момент сиу побеждены, и я поспешил назад в Филадельфию. Представляешь, какая скука на границе, когда там все спокойно?

– Ты имеешь в виду, что там нет молодых леди, за которыми можно было бы приударить?

Оуэн поморщился:

– Несколько молодых незамужних дам на границе едва ли стоят того, чтобы на них тратить время.

– Не подозревала, что ты такой разборчивый, Оуэн.

– Но я такой. Кроме того, соскучился по тебе, Сара.

– Не сомневаюсь, мошенник. – Сара внимательно посмотрела на него.

Оуэну Тэзди около тридцати лет, однако он – один из самых талантливых и уважаемых журналистов в Америке, умеющий излагать даже довольно скучные события весьма ярко и волнующе. К тому же Тэзди весьма красив: высокий и стройный, рыжеволосый, с бакенбардами, обрамляющими вытянутое лицо. Нос у него благородной формы, взгляд умный и слегка насмешливый, голубые пронизательные глаза. Точнее, один глаз – правый, так как левый закрыт повязкой, придающей молодому человеку лихой вид. Сара слышала несколько историй о том, как Оуэн потерял глаз, но не верила ни в одну из них. Каждый раз в ответ на ее расспросы он рассказывал по-разному, так что она в конце концов безнадежно махнула рукой.

Сара не знала, как одевается Оуэн, уезжая на задание редакции, но в городе он всегда одет безукоризненно и, по ее мнению, может сойти за денди. В данный момент на нем были высокие блестящие сапоги темно-красного цвета, сизые бриджи, поплиновый пиджак и белый шелковый шейный платок. Он также носил трость с украшенной жемчугом рукояткой. Поговаривали, что в трости спрятано стальное лезвие, которое выскакивает при нажатии кнопки.

Оуэн заметил, что Сара осматривает его, и весело улыбнулся:

– Дорогая, ты изучаешь меня, будто раньше никогда не видела.

– Меня очень интересует нынешняя мода. Поскольку «Бук» специализируется только на женских фасонах, я знаю, что всегда могу положиться на тебя и узнать о последних мужских нарядах.

– Так как у меня нет ни жены, ни детей, я могу побаловать себя.

– По-видимому, одежда делает тебя самодовольным, как павлин, – сухо заметила она.

– Ошибаешься, дорогая Сара, – весело ответил Оуэн. – А как дела с журналом?

– Спасибо, очень хорошо. Благодаря Луису число наших подписчиков скоро достигнет ста тысяч.

Оуэн поднял свою трость.

– Поздравляю, Сара! А как твои наиболее важные проблемы?

– Также в полном порядке. В апреле этого года в штате Нью-Йорк был принят законопроект о собственности, который дает право замужним женщинам иметь свое имущество. Я в определенной степени горжусь этим, так как поддерживала эту идею.

Оуэн покачал головой:

– Я восхищаюсь твоим умом, храбростью и настойчивостью, Сара, причем иногда это даже пугает меня. Если ты будешь продолжать действовать в том же духе, скоро женщины будут управлять миром.

– Возможно, это не так уж и ужасно, как ты думаешь. Может быть, даже к лучшему. Уверена, ты согласишься, что мир недостаточно хорош в руках мужчин.

– Насколько мне известно из истории, в прошлом некоторые монархии, управляемые королевами, также находились в бедственном положении. Могу привести несколько примеров.

– Да, но монархию нельзя сравнивать с демократической формой правления, такой, например, как у нас. Монарх, за редким исключением, является верховным правителем практически без ограничений, не как в нашей системе.

– О, дорогая Сара, знаю, спорить с тобой бесполезно. – Оуэн встал и криво улыбнулся ей. – Уверен, в дальнейшем ты постарайся добиться для женщин права голосовать на выборах.

– Так и будет, – пообещала Сара с улыбкой. – Возможно, ни я, ни даже ты не доживем до этого, но так будет. Мы заслуживаем такого же права выбирать наших лидеров, как и мужчины. Кроме того, тебе хорошо известно, мой юный друг, – я никогда не выступала за то, чтобы женщины имели большие права, чем мужчины, и не настаивала на их равенстве, как это делают феминистки, но полагаю, нам отказывают в том, на что мы имеем неотъемлемое право.

– О да, как я уже говорил тебе, дорогая Сара, мне доставляет удовольствие играть перед тобой роль адвоката дьявола. А сейчас хочу пожелать тебе удачного дня.

Самодовольно взмахнув тростью, Оуэн Тэзди вышел из кабинета.

Сара посмотрела на закрытую дверь с веселой улыбкой. Адвокат дьявола, не иначе! Она любила этого молодого человека, ей нравилось спорить с ним. Оуэн Тэзди был современным мужчиной. И, как большинство из них, считал, что место женщины – в доме или в постели. Любые попытки представительниц слабого пола покуситься на прерогативы мужчин вызывали у него неодобрение, зачастую даже открытую враждебность.

Сара вздохнула, покачала головой, стараясь избавиться от мыслей о журналисте, и вернулась к своей работе.

Джемайна опоздала на несколько минут к сроку, назначенному Сарой Хейл. Поспешно войдя в дверь издательства «Гоудиз ледиз бук» с опущенной головой, она внезапно столкнулась с высоким мужчиной. Девушка, вероятно, упала бы, если бы сильные руки не удержали ее. Она возмущенно оттолкнула эти руки и поправила сбившуюся шляпку.

– Почему вы не смотрите, куда идете?!

Она замолчала и пристально посмотрела на загорелое лицо молодого человека. Один его глаз был закрыт черной повязкой, а другой сиял яркой голубизной, разглядывая Джемайну так внимательно, что ей показалось, будто он смотрит обоими глазами.

Сначала взгляд Оуэна выражал гнев, затем немного смягчился. Джемайна чувствовала себя словно пригвожденной этим взглядом, в то время как мужчина снял шляпу и поклонился:

– Примите мои искренние извинения, мэм. Я очень рассеян и не заметил, куда иду.

Джемайна покраснела и отвернулась. Затем, заикаясь, проговорила:

– Нет-нет, это я слишком спешила. Это моя вина.

«Почему я оправдываюсь? Это ведь мужчина должен стараться избегать столкновения с леди», – подумала она и поспешила дальше, не обращая внимания на то, что продолжал говорить джентльмен.

Джемайна быстро вошла в кабинет Сары Хейл и представилась. Девушка все еще находилась в смятении, что, вероятно, было заметно, так как Сара встретила ее словами:

– Дорогая, вы выглядите очень взволнованной. Надеюсь, не из-за меня? Я не людоед, уверяю вас. Не надо меня бояться.

– О, не в этом дело, миссис Хейл, – поспешно ответила Джемайна. – Просто при входе в здание я столкнулась с каким-то олухом и едва не упала. Впрочем, полагаю... – Она замолчала, задумавшись. – Полагаю, джентльмен действительно мог не заметить меня, так как у него только один глаз.

– Один глаз? – Сара насторожилась. – Он носит повязку на левом глазу?

– Ну да. Вы его знаете?

– Конечно. Это Оуэн Тэзди, и будьте уверены: он очень хорошо видел вас. Даже с одним глазом Оуэн заметит красивую женщину быстрее, чем многие мужчины с двумя.

– Кто он такой? – поинтересовалась Джемайна.

– Журналист одной из крупнейших газет Филадельфии – «Леджер». Оуэн очень известен, и заслуженно. Возможно, он один из лучших журналистов, которых я знаю. Тэзди честен,

прекрасно пишет и менее склонен к сенсационности, чем остальные его собратья по перу. Он всегда куда-то стремится. Наибольшую популярность приобрел два года назад, во время войны с Мексикой, когда сопровождал генерала Закари Тейлора. Его тогдашние информационные сообщения можно назвать шедевром журналистского мастерства.

– Он кажется неплохим парнем, – осторожно заметила Джемайна.

– О да, детка, неплохой, – смеясь повторила Сара. – Но хочу предупредить: Оуэн – неисправимый бабник. Я ужасно люблю этого негодяя, но очень волнуюсь, когда он начинает уделять чрезмерное внимание какой-нибудь знакомой молодой леди. – Сара замолчала и пристально посмотрела на Джемайну. – Вы очень милы, дорогая.

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– Благодарю, миссис Хейл.

– Это действительно так. Но хватит об Оуэне Тэзди. – Она махнула рукой. – Давайте обсудим наши дела. Вы ведь здесь для того, чтобы узнать о возможности поступить на работу в издательство?

Джемайна порывисто наклонилась вперед.

– Да, миссис Хейл.

Сара снова внимательно посмотрела на девушку, которая ей понравилась: Джемайна Бенедикт красива и, кажется, довольно умна, а присланная ею рукопись свидетельствует о большом таланте.

– Мне понравилась ваша работа, но по ней нельзя судить о редакторских способностях, – сказала Сара, затем улыбнулась, пытаясь смягчить некоторую резкость своих слов. – Я хорошо понимаю, что женщины только недавно получили возможность заниматься редакторской деятельностью, а следовательно, мало кто имеет в этом опыт. А почему вы решили стать редактором, Джемайна? И именно в нашем издательстве?

– Благодаря вам, миссис Хейл. Благодаря вашим убеждениям и стараниям. Мне кажется, что «Гоудиз ледиз бук» делает очень много полезного.

– Я не могу оставаться здесь вечно, Джемайна. Сюда может прийти другой руководитель с иными взглядами на место женщины в обществе.

– Но вы же не собираетесь уходить? – испуганно спросила Джемайна.

Сара рассмеялась.

– Конечно, у меня нет таких планов. Но мне почти шестьдесят. Кроме того, следует учитывать еще одно обстоятельство. Несмотря на то, что я и Луис Гоуди благополучно сотрудничаем, мы не всегда и не во всем согласны друг с другом. Мы оба упрямы и тверды в своих убеждениях. Может наступить день, когда мы разойдемся во взглядах, и я вынуждена буду подать в отставку.

– Трудно поверить, что это когда-либо произойдет. Насколько мне известно, только благодаря вам журнал приобрел такую популярность.

Сара кивнула:

– Не буду изображать ложную скромность. Мне действительно во многом приписывают успех «Бук». – Неожиданно она рассмеялась. – Ну как же мне не принять на работу того, кто относится ко мне с таким уважением! – Сара выглядела очень оживленной. – Хорошо, Джемайна. Я уже обсудила вашу кандидатуру с мистером Гоуди. Могу предложить вам должность редактора-корреспондента с окладом пятьсот долларов в год. У меня уже есть два помощника, занимающихся только редактированием. Вы будете работать вместе с ними часть рабочей недели, изучая редакторское дело, остальное время – редактировать статьи, а также готовить собственные материалы. Устраивают такие условия?

Это было больше, чем Джемайна могла ожидать.

– О да, миссис Хейл! Благодарю вас! – радостно воскликнула девушка.

– Поскольку теперь мы будем работать вместе, я бы предпочла, чтобы ты называла меня просто Сарой. У нас здесь неформальная обстановка, к тому же я буду чувствовать себя более молодой. Мне так приятнее.

– Хорошо... Сара, – нерешительно проговорила Джемайна. – Когда я могу приступить к работе?

– Ты уже нашла жилье в Филадельфии? И ответь: все ли в порядке дома, в Бостоне?

– Я буду жить здесь с моей тетей. Что касается дома...

Сара пристально посмотрела на нее.

– Наверное, проблемы с родителями?

– Да.

Сара кивнула.

– Ясно. В благополучной семье родители молодой девушки осуждают подобное решение. Им трудно понять, почему ты хочешь работать. – Немного помолчав, она добавила: – Можешь начать со следующей недели, Джемайна. Пока у нас нет свободных кабинетов, но у тебя будет свой стол...

Сару прервал тихий стук в дверь.

– Войдите! – громко отозвалась она.

В комнату вошел худощавый мужчина с серьезными карими глазами.

– Уоррен! Рада видеть тебя, – улыбнулась Сара. – Ты как раз вовремя. Познакомься с новым сотрудником нашей редакции. Это Джемайна Бенедикт. Она редактор-корреспондент. Джемайна, это Уоррен Баррикон.

Вошедший слегка поклонился и сказал мягким голосом:

– Рад познакомиться, мисс Бенедикт.

У Уоррена – чисто выбритое приятное лицо, большой рот. У него, пожалуй, самое доброе и нежное выражение лица, какое Джемайне приходилось встречать у мужчин. Его карие глаза, казалось, скрывают глубокую тайную печаль.

– Уоррен возглавляет отдел мод, – сообщила Сара. – Мы горды, что с помощью «Бук» распространяем женскую моду по всей стране, и если преуспели в этом, то только благодаря Уоррену.

Уоррен Баррикон, застенчиво улыбаясь, погрузил свои тонкие пальцы в длинные каштановые волосы.

– Ты мне льстишь, Сара. На самом деле за моду ответственны леди в моем отделе. Я считаю себя в большей степени миротворцем. Наши модельерши довольно темпераментны и склонны к резким заявлениям.

– Не верь ему, Джемайна, – возразила Сара. – Многие из наших лучших идей принадлежат Уоррену, и он не позаимствовал их у модельеров Парижа или других мировых центров моды. Уоррен ежегодно посещает эти центры с оплатой всех расходов за счет редакции.

– Подождите, вас тоже заставят совершить одно из таких путешествий в Париж, мисс Бенедикт, – пообещал Уоррен. – Поначалу вы, несомненно, будете потрясены. Париж – город мира! Но вскоре подобные путешествия начнут казаться вам скучными. Однако, во всяком случае, добро пожаловать в «Бук», мисс Бенедикт.

Он взял руку Джемайны и поднес к своим губам. Девушка почувствовала волнение от такого внимания.

– Благодарю вас, мистер Баррикон, – запинаясь, пробормотала она, злясь на себя за неумение скрывать свои чувства. – Я давно мечтала работать здесь.

– Никогда не говорите этого в присутствии Сары или мистера Гоуди, – предупредил он с притворным ужасом. – Если они поймут, что вам нравится работать здесь, то решат, что вы охотно будете трудиться из года в год без повышения жалованья.

– Я знаю, вы шутите, мистер Баррикон. – Джемайна вновь обрела хладнокровие. – Сара уже пообещала мне больше, чем я ожидала.

Уоррен всплеснул руками:

– В самом деле, Сара? Вы уже договорились. Несчастливая девочка думает, что работать здесь – большая честь.

– Для женщины сегодня это не только честь, но и редкая привилегия, – парировала Джемайна.

Уоррен слегка поклонился:

– Приношу свои извинения, мэм. Как видно, наша дорогая Сара завербовала еще одного рекрута в свой лагерь. Теперь, Сара, ты получишь мощную поддержку в борьбе за права прекрасного пола.

– Именно так, Уоррен, – самодовольно сказала Сара. – Почему бы тебе не показать ей редакцию и не представить персоналу?

Оуэн Тэзди быстрым шагом миновал темные коридоры издательства газеты «Филадельфия леджер» и без стука вошел в кабинет главного редактора.

Томас Каррузерс с мрачным видом поднял голову. Выражение его лица не изменилось, когда он увидел, кто пришел. Воздух в тесном кабинете был наполнен дымом сигары, тлеющей в толстых губах Томаса.

– Добрый день, Томас, – живо поприветствовал его Оуэн.

– Какого дьявола ты вернулся из Дакоты, Тэзди? И разве ты не видишь, что я занят – работаю над подготовкой очередного номера газеты?

– Вижу, твой характер ничуть не изменился, Томас. – Оуэн присел на край письменного стола редактора, небрежно покачивая своей тростью. – Я вернулся потому, что там ни черта не происходит.

– Даже в этом случае я не припомню, чтобы отзывал тебя назад, – раздраженно бросил Каррузерс.

– Я подумал, что угадал твои мысли.

– И самовольно решил вернуться.

– Да.

– Ты наш полевой корреспондент, и тебе платят именно за это, а не за то, чтобы ты сидел на моем столе, как бездельник.

– Но ты платишь мне за репортажи о событиях, а оттуда нечего сообщать. Разве больше нигде ничего не происходит?

– Не знаю. Но дай время, я что-нибудь придумаю, можешь быть уверен.

– Ладно, а пока ты думаешь, Томас, я возьму небольшой отпуск. – Оуэн встал и улыбнулся старшему коллеге.

Каррузерс откинулся назад с тем же мрачным выражением лица.

– С каких это пор ты решаешь вопрос относительно отпуска?

– А почему бы нет? Я имею на это право – не отдыхал уже два года.

– Ты будешь скучать оттого, что ничего не происходит вокруг. Для тебя волнующие события, как наркотик, – проворчал Каррузерс.

Оуэн повертел своей тростью и тихо проговорил:

– Только не сейчас. Я кое-что задумал. – Он улыбнулся сам себе.

То, о чем мечтал Оуэн, было связано с девушкой, с которой он столкнулся в «Гоудиз ледиз бук». Девушка с черными волосами и небесно-голубыми глазами. Он давно уже не встречал женщины, которая так взволновала бы его. Тэзди не знал, кто она, но решил, что не слишком трудно будет отыскать ее. Он не сомневался, что она работает на Сару Хейл.

– Тогда иди в свой отпуск и дай мне возможность поработать, – согласился Каррузерс и, махнув рукой, склонился над своим письменным столом.

Глава 3

– Насколько я понимаю, вы уже сделали вывод, мисс Бенедикт, – продолжал Уоррен, – о том, что у нас необычайно большой штат.

– Да, я заметила это. И пожалуйста, называйте меня просто Джемайна.

– С удовольствием, Джемайна, – сказал Уоррен, слегка склонив голову. – Мне нравится ваше имя. Но в таком случае зовите меня Уоррен, так как мы будем работать вместе.

Уоррен провел Джемайну по кабинетам редакторов и представил ее сотрудникам редакции. Люди ей, в общем, понравились, и Джемайна была уверена, что с ними будет приятно работать. Затем Уоррен проводил ее в кабинет Луиса Гоуди и представил известному издателю. Она нашла его немного резковатым, но дружелюбным человеком. Он приветствовал Джемайну достаточно благосклонно, тем не менее девушка почувствовала в нем определенную сдержанность.

Закончив обход, они направились назад в кабинет Сары Хейл. В этот момент Джемайна увидела человека, идущего навстречу по коридору, в нелепой шляпе и черной накидке. Он выглядел ужасно худым, скулы его были туго обтянуты кожей. Девушка заметила затравленный взгляд темных глаз.

Он задержал руку на ручке двери в кабинет Сары, когда они приблизились.

– Мистер По! Разве Сара ждет вас сегодня? – удивился Уоррен.

– Возможно, нет, – ответил человек усталым тоном, – но я надеюсь, она примет меня ненадолго.

– Конечно, примет, – уверил его Уоррен. – Мистер По, рад представить вам нашу новую сотрудницу. Джемайна Бенедикт, познакомьтесь с Эдгаром Алланом По.

– Очень приятно, мисс Бенедикт, – поклонился мистер По.

Джемайна затрепетала от волнения.

– О, мистер По! Я ваша постоянная читательница. Прочитала все ваши произведения. «Бочонок амонтильядо», напечатанный в «Гоудиз ледиз бук», – изумительный рассказ.

– Вы очень добры, мэм.

– Думаю, вы один из величайших писателей.

– Боюсь, некоторые не согласятся с вами. А сейчас, прошу прощения, я должен показать Саре мой последний труд. Она одна из немногих, кто все еще интересуется моими работами.

Когда По открыл дверь и вошел в кабинет Сары, Уоррен задумчиво посмотрел ему вслед.

– Несчастный парень. У него довольно затруднительное положение. Его жена Виргиния умерла в прошлом году. С тех пор здоровье его ухудшилось. Если верить слухам, он употребляет наркотики и много пьет. К тому же сейчас своими произведениями зарабатывает слишком мало.

Джемайна была потрясена.

– Но он же очень уважаемый писатель!

– Наверное, не всеми. – Уоррен взглянул на нее. – К сожалению, многие из его рассказов слишком тяжелы для восприятия большинством читателей. По-моему, мистер По опережает свое время. Возможно, когда-нибудь его огромный талант будет по достоинству оценен, но не сейчас. К тому же ты должна знать: мистер По – достаточно агрессивная личность. Он нападает на многих наших литературных светил с очень едкой критикой. Боюсь, они никогда не простят ему этого. Он даже ухитрился испортить отношения с мистером Гоуди и Сарой, но в данный момент они снова подружились. Осмелюсь сказать, Сара и Луис Гоуди – его истинные друзья.

– Печальная история, – сказала Джемайна. – Подумать только, такой талантливый человек до сих пор не признан!

– Согласен, это печально. Однако мистер По сам виноват в своих неудачах. У него слишком ядовитый язык. Образно говоря, он пишет, макая перо в яд. – Уоррен достал часы из кармана своего жилета и посмотрел на них. – Долг зовет, Джемайна. Тебе еще нужна Сара? Уверен, мистер По не задержится у нее надолго.

– Нет, я, пожалуй, пойду. Я только вчера приехала и еще не распаковала вещи. Хочу поблагодарить тебя, Уоррен, за то, что нашел время в своем напряженном графике и показал мне издательство.

– Мне было очень приятно, – улыбнулся Уоррен. – Полагаю, ты будешь ценным пополнением в нашем коллективе, и надеюсь, мы сработаемся.

Хестер Макфи жила недалеко от своего магазина дамских шляп на Честнат-стрит.

Джемайна не стала распаковывать вещи прошлым вечером, так как не была уверена, что Сара Хейл примет ее на работу. Но сейчас, выйдя из двухколесного экипажа перед домом, где жила тетя Хестер, она едва сдерживалась. Ей хотелось танцевать и петь во весь голос. Все получилось так, как она задумала!

Дома, в Бостоне, поднялся большой шум, когда девушка объявила о своих намерениях. Мать плакала и заламывала руки, а Генри Бенедикт был взбешен и вопил на весь дом не своим голосом.

– Запрещаю! Категорически запрещаю покидать дом! – кричал он.

– Отец, я уже взрослая, – старалась успокоить его Джемайна. – И не представляю, как ты сможешь удержать меня здесь. Если только прикуешь цепями к кровати.

– Видишь, мать? – Генри повернулся к жене. – Вот к чему приводит чтение «Гоудиз ледиз бук». Теперь она считает, что можно больше не слушаться старших!

В ответ Бесс Бенедикт заплакала еще громче.

– Тише, женщина! – заорал Генри. – Этим ты не поможешь. Поговори с ней, она ведь твоя дочь.

– Мама не сможет изменить мое решение, – тихо заявила Джемайна. – Что бы вы ни говорили, оно останется прежним.

Мать подняла заплаканное лицо.

– Если ты уедешь, ни один мужчина не женится на тебе. Мужчины не хотят брать в жены работающих женщин.

– Мама, ты никогда не слушаешь меня. Сколько раз я говорила тебе, что сейчас меня не интересует замужество. Уверена, когда-нибудь это произойдет, но не сейчас.

– А что скажут мои друзья, мои деловые партнеры? – сказал Генри Бенедикт. – Они подумают, что я не могу содержать тебя и потому посылаю работать!

Джемайна пристально посмотрела на отца. Он покраснел и отвернулся. Она тихо засмеялась.

– Едва ли кто-нибудь поверит, что Генри Бенедикт с Бикон-Хилла в чем-то нуждается.

Сделав последнюю отчаянную попытку, отец пообещал:

– Если ты уедешь против моей воли, я лишу тебя наследства!

– Ты никогда не сделаешь этого, папа. Я слишком хорошо знаю тебя. Но если даже и лишишь, неужели ты думаешь, это остановит меня?

Это был решительный момент, после которого, казалось, все смирились с ее отъездом. Отец все еще ворчал, но его сопротивление было сломлено.

Мать в минуту откровенности прошептала дочери, что даже завидует ей.

– Я никогда не жила одна – только с родителями и с твоим отцом – и часто размышляла, что значит быть свободной и независимой, по крайней мере чуть-чуть.

Свободная и независимая – вот какая она теперь, думала Джемайна, входя в дом. Тети еще не было, она часто подолгу задерживалась в своем магазине. Джемайна начала распаковывать чемодан и раскладывать вещи в спальне, которая на какое-то время стала ее комнатой.

Тетя пришла в седьмом часу. Джемайна уже покончила с вещами и готовила обед. Хестер Макфи посмотрела на накрытый стол в маленькой кухне и довольно повела носом, принюхиваясь к аппетитным запахам готовящейся еды.

– Девочка моя, ты не должна заниматься этим. Я не хочу использовать тебя в качестве повара или экономки.

Джемайна обняла ее.

– Это мой вклад в наше совместное домашнее хозяйство, тетя Хестер.

Взглянув на сияющее лицо племянницы, Хестер улыбнулась:

– Я чувствую, что в «Гоудиз ледиз бук» все прошло хорошо?

– Просто блестяще! Сара Хейл взяла меня на работу. Часть времени я буду заниматься редактированием, а остальное – писать собственные статьи для публикации в «Бук».

– В «Бук»? – удивленно спросила Хестер.

– Так сокращенно называют журнал все, кто работает в издательстве.

– Ну! – Хестер сняла шляпу и села за кухонный стол. – А теперь расскажи обо всем подробно.

В течение следующих двух недель Джемайна полностью ушла в работу, изучая до мельчайших деталей технологию выпуска журнала. Все было новым и волнующим, и девушка с удовольствием постигала интересное для нее дело. Сотрудники относились к ней очень доброжелательно. Казалось, все удовлетворены своей работой и обожают Сару Хейл. И не без оснований, как вскоре поняла Джемайна.

Сару нельзя было назвать «мягким» руководителем. Она придирчиво следила за выполнением порученной работы и требовала доводить результат до совершенства. Когда Сара была чем-то недовольна, она резко указывала на недостатки. Джемайна заметила, что после этого подобные ошибки редко повторялись. Однако, если работа сделана хорошо, Сара не скупилась на похвалы. Несмотря на большую занятость, она находила время, чтобы дать Джемайне полезные советы и чем-то помочь.

Даже Луис Гоуди иногда поощрял Джемайну добрым словом или одобрительным кивком. Девушка все еще побаивалась издателя, но вскоре поняла, что его грубоватость напускная, за ней скрывается добрая и довольно застенчивая натура. Через некоторое время она разгадала причину его застенчивости, которая крылась в том, что большинство сотрудников издательства – женщины. Вот почему он вынужден вести себя в высшей степени осторожно и ни при каких обстоятельствах не проявлять даже намека на приятельские отношения.

Джемайна работала очень много как в редакции, так и дома, трудясь над своими рукописями. Она взяла домой прошлые номера журнала и усердно изучала их. Девушка сочиняла стихи и короткие рассказы, однако показывать свои творения Саре считала преждевременным.

Через несколько дней у нее появилась подруга. Клара Далхарт, несколькими годами старше Джемайны, – красивая женщина с длинными темно-рыжими волосами, блестящими зелеными глазами и полноватой фигурой, которую она довольно смело демонстрировала окружающим.

Клара являлась одной из двух непосредственных помощниц Сары. Она занималась обширной корреспонденцией главного редактора и иногда читала статьи, присланные на рассмотрение в журнал, когда Сара хотела знать еще одно мнение.

Насколько Джемайне было известно, Сара Хейл лично читает представленный на рассмотрение материал, и девушка очень удивилась, узнав, что Кларе иногда поручается повторное чтение.

– Сара не говорила мне при приеме на работу, что после меня еще кто-то будет читать присланные статьи, – сказала Джемайна.

Клара засмеялась:

– На самом деле Саре вовсе не нужно мое мнение. Это делается больше для подтверждения ее собственных выводов и только в том случае, если она сомневается.

– Непонятно.

– Ну, дело в том, что мы, как тебе уже известно, получаем огромное количество материалов. Обычно Сара немедленно дает заключение после первого чтения. Но иногда у нее возникают сомнения или вопросы относительно той или иной статьи. В этих случаях она дает почитать мне, прежде чем вернуть ее автору.

– И она соглашается с тобой?

– Довольно часто.

– А бывает, что меняет свое мнение?

Клара опять засмеялась:

– Крайне редко.

– Тогда зачем все это?

– Сара говорит, что это хорошая тренировка для меня и что она не вечно будет работать здесь и кто-то в конце концов должен занять ее место. Но, надеюсь, скорее я состарюсь и поседею, чем Сара уйдет из «Бук».

Они уже довольно долго сидели в маленьком кабинете Клары, и Джемайна стала испытывать неудобство от корсета. Она встала и поправила его, так чтобы чувствовать себя более свободно.

– Что-то не так, Джемайна?

– Корсет. Он новый и жмет, – раздраженно пожаловалась девушка.

– Тогда зачем носишь его? Я уже давно отказалась. Без него гораздо удобнее. Кроме того, разве ты не знаешь, что Сара не одобряет корсетов? Она даже писала о том, что корсеты препятствуют нормальному кровотоку и отрицательно сказываются на здоровье женщин. Я тоже так считаю. Джемайна покраснела.

– Да, я знаю взгляды Сары на этот счет и полностью согласна с ней.

На следующий день Джемайна явилась на работу уже без корсета. Девушка чувствовала себя гораздо свободнее, хотя многие заметили изменения в ее одежде и шептались между собой.

Она принесла короткий рассказ, который написала недавно и отшлифовывала снова и снова, но не была полностью удовлетворена им. Тем не менее Джемайна принесла рукопись в кабинет Клары.

– Не окажешь ли мне услугу, Клара? Не согласишься ли прочитать это и высказать свое мнение?

Клара взяла рукопись с явным сомнением. Она взглянула на первую страницу.

– «Осень влюбленных». Автор Джемайна Бенедикт. Это для «Бук»?

– Надеюсь. Но не уверена, что рассказ достаточно хорош. Вот почему я хочу, чтобы сначала прочитала его ты.

– Надо отнести Саре. Все поступающие материалы первой должна читать она. Не будем нарушать порядок.

– Но вполне возможно, Сара вообще не увидит рассказа, если он недостаточно хорош.

– Ну... ладно, Джемайна. В таком случае ты должна пообещать: Сара никогда не узнает, что я первой увидела эту рукопись.

– Обещаю.

– Ладно, прочитаю, и мы поговорим об этом за ланчем.

– О, это не так спешно!

Клара усмехнулась:

– Ты слишком переживаешь, не так ли? Не беспокойся, Джемайна. Хорош твой рассказ или нет, это еще не конец света.

Подруги привыкли завтракать и обедать вместе в маленьком ресторанчике в двух кварталах от здания издательства.

Джемайна уже сидела за столом, когда вошла Клара, неся рукопись под мышкой. Подруга села и протянула листы через стол.

Глядя Джемайне прямо в глаза, она сказала:

– Я ведь говорила еще до того, как прочитать рассказ, что его надо сначала показать Саре. Я была уверена, что он не так уж плох, но... он не пойдет, Джемайна. Извини.

Сердце Джемайны упало.

– Значит, все-таки ужасен!

Клара покачала головой:

– Вовсе нет. Рассказ написан прекрасно. Ты хорошо пишешь, Джемайна. Однако то, что публикуется в «Бук», рассчитано на светских читателей. Это в основном романтические, сентиментальные истории. К сожалению, в твоём рассказе слишком много реализма.

– Но ведь многие статьи в журнале отражают действительность.

Клара кивнула:

– Да, это так. Но они не являются художественными произведениями. Я прочитала твою первую статью, которую ты прислала Саре. Но это именно статья. И очень хорошая. Хочешь совет?

– Конечно, – тотчас согласилась Джемайна.

– Прежде всего должна признаться, мне не очень-то по душе многие рассказы и стихи, публикуемые в «Бук». Однако они очень популярны среди читателей, и потому число наших подписчиков не меньше, чем у других журналов, если не больше. Конечно, некоторые рассказы нравятся мне, особенно написанные мистером По, и это исключение. – Помолчав немного, Клара продолжила: – Я получаю удовольствие в основном от статей. Теперь ты уже поняла: Сара похожа на крестоносца, сражающегося за права женщин, как и мистер Гоуди, хотя тот более осторожен. Например, Сара борется за право женщин голосовать. Она выступает за строительство общественных детских площадок для игр, за улучшение условий труда женщин. Она активно поддерживает законы, запрещающие детский труд, и тех, кто отстаивает свои права. Ты знаешь об Элизабет Блэквел?

Джемайна кивнула:

– Да, я слышала о ней. Это та женщина, которая хочет стать врачом?

– Верно. – Клара улыбнулась. – Она давно добивалась приема в колледж, и, вероятно, если бы не Сара, у нее ничего бы не получилось. Сара боролась за нее всеми возможными способами и наконец добилась своего: Элизабет приняли в Дженивский колледж в штате Нью-Йорк. В этом году она собирается получить диплом врача.

Джемайна хлопнула в ладоши.

– Мне кажется, это просто замечательно!

– Мне тоже. Я также думаю, было бы неплохо опубликовать в «Бук» интервью с Элизабет Блэквел. Что чувствует первая в стране женщина, ставшая студенткой медицинского колледжа? С какими предрассудками пришлось ей столкнуться, какие трудности пришлось преодолеть?

– Ты полагаешь, я смогу сделать такое интервью? – с испугом спросила Джемайна.

– Конечно.

– Но я никогда не делала ничего подобного.

– Когда-то надо начинать, Джемайна. Думаю, у тебя получится. Понимаешь, мистер Гоуди постепенно меняет направление журнала. Ты ведь знаешь, что слово «мэгэзин», как первоначально назывался наш журнал, означало «сборник». Тогда мистер Гоуди стремился издавать сборники рассказов, которые, по его мнению, должны были понравиться женщинам. Но женщины стали более грамотными и искушенными, чем были раньше, когда он основал

журнал. Поэтому Гоуди заставил Сару публиковать больше материалов, которые отвечали бы вкусам женщин с более высокими запросами, чтобы журнал не ограничивался обычными статьями о моде, о кулинарии, об архитектуре, а также романтическими историями и стихами. Сара же хочет добавить в журнал материалы, которые заставляли бы женщин размышлять. При этом с каждым разом статьи становятся все более дерзкими, даже спорными. Сара постепенно навязывает мистеру Гоуди свой образ мышления.

Несмотря на сомнения, Джемайна почувствовала необычайный прилив энергии.

– Но почему ты думаешь, что Сара доверит мне, новичку, такое важное интервью?

– Ну... – Клара заколебалась. – У нее уже была статья об Элизабет Блэквел, которую она собиралась опубликовать, но мистер Гоуди воспрепятствовал этому, и Сара сдалась. Она говорила мне, что не стала слишком сопротивляться, так как была не совсем довольна статьей. Мужчина, написавший ее, не являлся работником редакции, и потому Сара не очень дорожила его мнением. Однако если ты, женщина, дашь ей то, чего она хочет, думаю, Сара сможет противостоять мистеру Гоуди.

– Я поговорю с ней об этом сейчас же.

– Не надо слишком торопиться, – медленно проговорила Клара. – Хочешь услышать другое предложение?

– С радостью.

– Почему бы тебе не сделать это интервью независимо от кого-либо?

– Ты имеешь в виду, не сообщив предварительно Саре? – ужаснулась Джемайна. – Я не могу поступить так!

– Почему? Саре нравится инициатива. Сначала она, возможно, расстроится, но потом все будет в порядке, если интервью окажется хорошим.

– А если нет?

– Да! Я уверена в этом. А если нет... – Клара пожала плечами. – Мы все должны чем-то рисковать, Джемайна.

– Но согласится ли Элизабет Блэквел на интервью с журналисткой, о которой раньше ничего не слышала?

– Скажи, что ты работаешь на Сару. Блэквел в большом долгу перед ней, и я уверена, она с радостью согласится сотрудничать.

– Но я не хочу обманывать Элизабет!

– Как? Ты ведь действительно работаешь на Сару. – Клара наклонилась вперед. – Не бойся, Джемайна. Сделай это! Поезжай в Джениву. Путешествие и интервью займут у тебя всего несколько дней.

– А что я скажу Саре?

Клара пожала плечами:

– Скажи, что тебе надо срочно поехать в Бостон. Что-то случилось в семье.

– Я не могу врать ей.

Клара вздохнула:

– Предоставь это мне. Я улажу вопрос с Сарой.

Джемайна долго сидела, глядя в тарелку, и размышляла. Затем откусила кусочек хлеба. Несмотря на заверения Клары, девушка знала, что очень рискует в этом деле. Она уже однажды круто изменила свою жизнь, приехав сюда. Сейчас у нее была работа, которая нравилась ей больше всего на свете. И вот, проработав в «Бук» всего ничего, принимает серьезное решение, которое может стоить ей должности.

Однако мысль об интервью с Элизабет Блэквел, которая скоро станет первой женщиной-врачом в Соединенных Штатах, чрезвычайно ее волновала. А если она сможет успешно провести его, а затем написать статью, которую одобрит Сара, и опубликовать под своей фамилией... Клара права: рассказы и стихи – это не ее конек.

Наконец Джемайна решительно подняла голову.

– Я сделаю это!

Клара широко улыбнулась:

– Удачи тебе, Джемайна! – Затем взгляд ее сделался грустным. – Знаешь, я немного завидую тебе. У тебя талант. Мне всегда хотелось писать, но... Я неплохой редактор, но автором никогда не смогу стать.

Не зная, что ответить, Джемайна в замешательстве отвернулась. Затем ее взгляд упал на знакомую фигуру в дальнем углу комнаты. Уоррен Баррикон сидел за столиком в одиночестве. Голова его склонилась над тарелкой, плечи поникли.

– Вон Уоррен, – сказала Джемайна. Клара повернулась. – Он выглядит таким одиноким. Может быть, пригласим его присоединиться к нам?

Клара покачала головой:

– Нет, не стоит. Возможно, ты еще не заметила, но Уоррен предпочитает одиночество.

– Почему? Он кажется вполне дружелюбным.

– О, это только в редакции. Однако он никому не позволяет вторгаться в свою личную жизнь.

– В личную жизнь? Что ты имеешь в виду?

– Никогда не передавай ему, что я скажу тебе, Джемайна. – Клара понизила голос. – Дело в том, что его жена больна и прикована к постели уже долгое время. Врачи говорят, вряд ли она когда-нибудь выздоровеет.

– Несчастный! – Джемайна снова посмотрела на Уоррена, вспомнив о грусти, которая промелькнула в его глазах еще при первой встрече. Теперь она знала причину. – А что с ней такое?

– Не знаю. И кажется, никто не знает, даже врачи. Это самое печальное. Если бы знали, то, возможно бы, вылечили.

– У них есть дети?

– Слава богу, нет! Если бы у них были дети, бедный Уоррен не вынес бы такой тяжести.

В этот вечер Уоррен Баррикон решил выйти из конки, не доезжая квартала до своего дома, небольшого кирпичного строения на окраине Филадельфии. Он прошел, с трудом переставляя ноги, вдоль квартала и поднялся по ступенькам крыльца.

Уоррен любил Элис всем сердцем, но в последнее время, сам того не осознавая, начал страшиться возвращения домой. Жена болела уже больше года и все больше чахла. Элис никогда не жаловалась, не ныла по поводу своего ужасного положения и всегда приветствовала его с улыбкой, хотя испытывала постоянную боль. Вечером в доме никого не было, кроме миссис Райт, которая приходила ежедневно – ухаживать за Элис и убирать в доме. Миссис Райт с нетерпением ждала минуты, когда Уоррен войдет в дверь, чтобы тут же уйти.

Если бы у них были дети! Конечно, они создали бы дополнительные проблемы, и пришлось бы нанимать еще кого-то в помощь, но ему улыбались бы веселые лица, счастливый смех звучал бы в доме, и маленькие ножки спешили бы к нему навстречу, когда он войдет в дверь... Сколько радости, хоть и омраченной болезнью Элис, они принесли бы в дом!

Однако за три года супружества Элис не родила ему ни одного ребенка. Она всегда была очень слаба, и вскоре после женитьбы ее состояние ухудшилось. Врачи предупредили, что она может не пережить рождение ребенка. А теперь уже слишком поздно.

Уоррен замер с ключом в руке. Его мысли против воли вернулись к ланчу. Он увидел Джемайну Бенедикт в ресторане и незаметно стал изучать ее. Его потянуло к ней с самой первой встречи – девушка выглядела достаточно здоровой, чтобы родить мужчине детей...

Уоррен с усилием постарался отвлечься от мыслей о Джемайне. Со вздохом повернув ключ в двери, он открыл ее и вошел в дом.

Миссис Райт, полная женщина средних лет, приветствовала его в холле. Она уже надела плащ и держала в руке сумочку, готовая уйти.

Уоррен кивнул ей.

– Миссис Райт.

– Ужин готов и греется на плите. Я потушила прекрасное мясо. Пожалуйста, заставьте миссис Баррикон поесть. Ей необходимы силы.

– Постараюсь, миссис Райт, но она... – Он замялся. – Как она сегодня?

– Все так же. До свидания, мистер Баррикон.

– До свидания, миссис Райт.

Когда дверь за ней закрылась, Уоррен распрямил плечи и прошел через холл в спальню, восклицая сердечным голосом:

– Элис, дорогая, я – дома!

Глава 4

Едва поезд тронулся, как Джемайна погрузилась в чтение истории Элизабет Блэквел. В издательстве хранились многочисленные подшивки газет и журналов, и девушка с помощью Клары нашла необходимый материал.

Она внимательно изучала записи, сделанные накануне ее аккуратным наклонным почерком.

– Привет!

Джемайна вздрогнула и подняла голову, инстинктивно прикрыв ладонью листы. Рядом, глядя на нее, стоял Оуэн Тээди, держа в одной руке шляпу, в другой – трость.

– Мистер Тээди! Какой сюрприз.

– Да. – Улыбка его была теплой и дружеской. – Я узнал вас со своего места в конце вагона, но не был до конца уверен. Хотелось убедиться. Могу я сесть? – Он указал тростью на свободное место рядом с ней.

Джемайна на мгновение заколебалась, недовольная тем, что прервали ее чтение. Однако в этом мужчине было столько обаяния и магнетизма, что она не смогла отказать. Джемайна подвинулась к окну.

– Конечно, мистер Тээди. Пожалуйста.

– У вас передо мной некоторое преимущество, – сказал он.

– В чем именно, сэр?

– Вы знаете мое имя, в то время как я в полном неведении относительно вашего.

– О! Я Джемайна Бенедикт.

– Джемайна, – задумчиво повторил он. – Мне нравится это имя. Но откуда вам известно мое?

– Мне сообщила его Сара Хейл.

– А, вспомнил – вы работаете в «Гоудиз ледиз бук»!

– Да.

– Странно. Я часто захожу туда, мы с Сарой старые друзья, однако никогда не встречал вас там, за исключением того злополучного столкновения у двери. – На губах его промелькнула улыбка, он посмотрел на нее быстрым оценивающим взглядом. – Не понимаю, как мог пропустить вас. Я сразу замечаю хороших женщин.

– Да, Сара говорила мне об этом, – сказала Джемайна холодным тоном. – Я только недавно начала работать в издательстве.

– Тогда понятно. Что еще Сара рассказала вам обо мне?

– Она предупредила меня относительно вас, причем очень строго. – Джемайна улыбнулась своей колкости.

Лицо его приняло печальное выражение.

– Саре надо верить. Ее предупреждение испугало вас, Джемайна?

– Конечно, нет. Чего мне бояться? – Она вызывающе посмотрела на него.

Оуэн небрежно пожал плечами:

– Разумеется, на это нет причин. Я же не чудовище. – Его взгляд упал на листки бумаги на ее коленях. – Вы пишете что-то для «Гоудиз ледиз бук»? Поскольку вы работаете в такой обстановке, могу предположить, что вы – автор статей.

– Да, я – редактор-корреспондент, – уклончиво ответила Джемайна.

– Всегда считал, что в словосочетании пишущий редактор есть некоторое противоречие. По моему глубокому убеждению, редактор и писатель – антагонисты. Сама суть редактирования прямо противоположна результату писательской деятельности.

– Мне кажется, это довольно спорное мнение, и Сара, боюсь, не согласилась бы с вами.

– Возможно, работа в журнале отличается от работы в газете. Писать для газеты, чем я и занимаюсь, означает писать то, что важно и интересно, и я всегда в ссоре с редакторами, которые правят мои статьи.

Джемайна возмутилась:

– «Бук» также публикует статьи и рассказы о людях и событиях, которые представляют интерес!

– Но в журнале не отражаются текущие события, то, что произошло сегодня и, самое позднее, вчера. – Он едва скрывал свое презрительное отношение к журналам.

– Газеты также публикуют статьи о людях и событиях прошлого.

– Я не пишу такие вещи. Нет ничего более волнующего, чем писать о текущем моменте. Во всем остальном уже нет новизны.

– Не согласна с вами. Мне кажется, читателям нравятся глубокие статьи о выдающихся личностях, когда автор уделяет достаточно много внимания анализу и может высказать свое мнение по тому или иному вопросу.

Оуэн махнул рукой.

– Мое дело – сообщать новости, а не читать полученный материал. Это работа редактора. Именно этим вы и занимаетесь, не так ли? Вы ведь редактор?

Уязвленная, Джемайна не могла не возразить:

– Возьмем, например, ваш глаз.

Оуэн недоуменно посмотрел на нее:

– Мой глаз?

– Тот, что с повязкой. – Несмотря на все усилия, Джемайна ловила себя на том, что время от времени посматривала на его повязку. – Объективное изложение событий, что бы ни случилось, заняло бы всего несколько строчек: как это произошло и когда. Возможно, указали бы еще причину, хотя скорее всего – нет. Но читателю любопытно было бы знать, не только почему это произошло, но и что вы чувствовали при этом и как потеря повлияла на вашу дальнейшую жизнь. Как писательнице, мне это было бы чрезвычайно интересно.

Оуэн вдруг побледнел, и на мгновение Джемайна испугалась, что зашла слишком далеко. Он выглядел разъяренным. Ей даже показалось, что он сейчас набросится на нее. Но, к удивлению девушки, Оуэн откинул голову назад и разразился громким смехом.

– Должен заметить, вы довольно наглая девица, – проговорил он, задыхаясь. – Мало кто из мужчин, а тем более женщин осмелился бы даже намекнуть на повязку на моем глазу.

– Я не хотела обидеть вас. Извините, – быстро проговорила она. – Очень жестоко с моей стороны касаться этой темы.

Оуэн махнул рукой.

– Я не обиделся, не беспокойтесь. Полагаю, Сара поведала кое-что об этом?

– Лишь мельком упомянула, – робко призналась Джемайна. – Из ее слов я поняла, что никто толком не знает, как вы потеряли глаз, и что вы сами рассказываете об этом по-разному.

– Предположим, что это случилось на дуэли с редактором из-за разногласий по моей статье. Вы поверите в это?

– А я должна верить? – холодно спросила Джемайна.

Он безразлично пожал плечами и отвернулся.

– Меня не волнует, во что вы верите, мисс Бенедикт.

В его голосе прозвучали нотки горечи, и Джемайна решила, что его очень волнует данная тема, если и не сама потеря глаза, то по крайней мере причина, по которой это произошло.

Они сидели некоторое время молча. Мерное покачивание вагона и стук колес действовали почти гипнотически.

– В любом случае наш спор бесполезен, – наконец произнес Оуэн. – Сомневаюсь, что вам когда-нибудь придется редактировать мои статьи. Сферы интересов наших печатных органов далеки друг от друга.

– Вам когда-нибудь приходилось брать интервью?

Он с удивлением посмотрел на нее:

– Конечно.

– Тогда я не уверена, что мы так уж далеки друг от друга. В данный момент я еду взять интервью у... очень известной особы. – Это было необдуманное заявление, и Джемайна тут же пожалела о нем.

– Вы действительно хотите сравнить «Бук» с моей газетой? – недоверчиво спросил Оуэн.

– Ну да, некоторым образом. Правда, есть существенные отличия, но цель обоих изданий – рассказывать правду.

– Правду! – Тэзди засмеялся. – Вы знаете, как Эдгар Аллан По несколько лет назад назвал «Гоудиз ледиз бук» в обозрении, которое он озаглавил «Литература наших журналов»? «Умный журнал для развлечения дам»!

– И тем не менее он публикуется в «Бук».

– Только потому, что нуждается в деньгах. Я считаю По гением, но, к несчастью, его талант остается неоцененным. Поэтому бедняга вынужден продавать свои труды куда только возможно.

– Что ж, по крайней мере мы хоть в чем-то нашли согласие, – горячо сказала Джемайна. – Я имею в виду талант мистера По.

Разозлившись, она отвернулась и смотрела невидящим от негодования взором на мелькающий за окном пейзаж. Этот мужчина просто невыносим! Высокомерный, чрезмерно самоуверенный, считающий, что женщина ни в коем случае не может конкурировать с ним.

– Джемайна... – Он коснулся ее руки. – Вы злитесь на меня. Приношу свои извинения. Девушка неохотно повернулась к нему. Тэзди дружелюбно ей улыбнулся.

– Знаю, меня порой заносит. Должен признаться, я в чем-то старомоден. Все еще придерживаюсь мнения, что место женщины – в доме, а профессиональная деятельность прежде всего для мужчин. – В его улыбке чувствовалось явное сожаление. – Полагаете, я боюсь, что женщины составят мужчинам конкуренцию? Некоторые опасаются именно этого.

Его тон и манеры полностью обезоружили ее.

– Вам нечего опасаться. – Она неожиданно улыбнулась. – Тем более меня, мистер Тэзди.

– Джемайна...

Он коснулся пальцами ее руки. Его прикосновение словно обожгло ее, девушка неожиданно ощутила его близость: его бедро касалось ее бедра, она почувствовала запах рома, исходящий от Оуэна.

– Чтобы искупить свою вину, буду рад пригласить вас на ужин, когда мы окажемся в Нью-Йорке. А возможно, в театр.

– Боюсь, не смогу принять ваше приглашение. Я должна буду сразу же, как только выйду из поезда, отправиться дальше.

– А далеко вы едете?

– В... – Она замолчала. – Извините, не могу сказать.

– Почему? – Его любопытный взгляд сменился пониманием. – О боже, вы боитесь проговориться, думаете, я узнаю, к кому вы едете, и первым возьму интервью!

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– А вы бы открылись мне, если бы направлялись к кому-то за интервью?

– Это не одно и то же, и уж, конечно, я бы не стал бояться вас. О, не могу поверить! – Он засмеялся, постукивая тростью по полу. Затем, глядя на ее расстроенное лицо, вдруг посерьезнел. – Ну вот, снова обидел вас. Прошу прощения. Однако вам не стоит беспокоиться, у

меня это не рабочая поездка. Я в отпуске. – Он заговорил более мягким тоном: – Может быть, вы все же останетесь на одну ночь в городе и поужинаете со мной?

– Не могу, мистер Тэзди, – холодно отказалась Джемайна. – Уверена, вы найдете с кем поужинать.

Оуэн оценивающе посмотрел на нее.

– Никто из них не хорош так, как вы, Джемайна. Уверю вас...

Прибыв в полдень в Джениву, расположенную на северо-западном берегу озера Сенека, Джемайна сняла номер в отеле. Приведя себя в порядок после долгого и утомительного пути, она присела отдохнуть и постаралась припомнить все, что ей известно о Дженивском колледже. Он был основан в 1822 году, а через пять лет, в 1827-м, в нем появился медицинский факультет. После того как выдающимся врачам было отказано в возможности преподавать в штате Нью-Йорк, Дженивский колледж единственный открыл перед ними свои двери.

Этот колледж отличался и другими нововведениями. Например, первым в стране принял в число студентов медицинского факультета женщину.

К вечеру Джемайна подходила к пансиону мисс Уоллер, где жила Элизабет Блэквел. В воздухе повеяло прохладой – здесь температура была гораздо ниже, чем в Филадельфии.

Здание пансиона находилось в очень хорошем состоянии. Стены снаружи были свежескрашены, внутри царил чистота. Девушку проводили в гостиную, где ее ждала мисс Блэквел. Джемайна знала, что ей двадцать шесть лет, но выглядела она старше. Видимо, из-за серьезного выражения лица, решила девушка. Мисс Блэквел не была красавицей – щеки у нее слишком худы, подбородок квадратный, голубовато-серые глаза глубоко посажены под низкими густыми бровями. Однако во всем ее облике чувствовались воля и ум. Она какое-то время изучала Джемайну холодным внимательным взглядом. Соломенного цвета волосы ниспадали прямыми прядями.

Затем радушно приветствовала гостью:

– Добро пожаловать, мисс Бенедикт. Как поживает дорогая Сара?

– Хорошо. Занята, как всегда.

Мисс Блэквел кивнула.

– Без поддержки Сары меня вряд ли приняли бы в колледж. Однако должна признаться: я в некотором замешательстве. У меня не брали интервью, но, по-моему, «Гудиз ледиз бук» уже собирался однажды опубликовать статью обо мне.

– Решили не печатать ее. По мнению Сары, статья оказалась непригодной, – поспешно сказала Джемайна. Она огляделась и попыталась сменить тему разговора: – У вас хорошее жильё. Вам повезло.

– Повезло – не то слово, – проговорила мисс Блэквел сухим тоном. – Найти жильё в пансионе было так же трудно, как поступить в колледж.

Джемайна достала блокнот и перо.

– Вы имеете в виду нехватку комнат?

– О, свободные комнаты были. Я обошла пять пансионов, и везде висели объявления о сдаче комнат, но мне отказывали. Одна из хозяек доверительно сообщила мне, что не может сдать комнату женщине, желающей стать врачом. Наконец я встретила родственную душу в лице мисс Уоллер.

– Хорошо, что вам удалось найти колледж, который принял вас. Какими же прогрессивными должны быть руководители факультета, чтобы пойти против традиций!

– Прогрессивными? О, моя дорогая! – Мисс Блэквел громко рассмеялась. – Разве Сара не рассказывала вам, как я попала в Дженивский колледж?

– Нет.

– Я несколько раз пыталась поступить на медицинский факультет колледжа. Сара помогла мне чем могла, но все двери передо мной закрывались. Затем ей удалось убедить уважаемого филаделфийского врача написать письмо сюда и рекомендовать меня в качестве студентки – я изучала медицину в его клинике, чего, конечно, было недостаточно, чтобы квалифицировать меня как врача. Доктор Уоррингтон письмо написал. Получив его, на факультете не знали, что делать. Не хотелось обидеть хорошего врача, и потому там пошли на хитрость, чтобы снять с себя ответственность за отказ. Было решено обсудить этот вопрос со студентами. Если те единодушно согласятся принять меня, я смогу посещать колледж. Конечно, при этом не имелось в виду, что студенты примут положительное решение.

Джемайна деловито делала записи, но при последних словах подняла голову:

– Почему?

– Дело в самих студентах. На факультете учатся около ста пятидесяти человек, в основном молодых людей из соседних городов. Это сыновья фермеров, торговцев и тому подобное. Их мало интересует медицина. Они предпочитают больше развлекаться, чем учиться. Среди местных жителей бытует мнение: даже ни на что непригодный парень всегда может стать врачом. Многие студенты ведут себя так буйно, что горожане требуют исключить их или вообще закрыть колледж.

– Однако студенты, очевидно, все-таки проголосовали за то, чтобы вас приняли.

– Да – ради развлечения.

Джемайна снова оторвалась от записей.

– Ради развлечения?

– Ну да. Как я уже говорила, это буйные, непокорные парни. Им стало известно, что руководство факультета рассчитывает на отрицательный результат голосования. Поэтому из чувства противоречия они проголосовали «за». Кроме того, им было очень интересно – иметь в своих рядах единственную женщину. Как я узнала позже, многие также полагали, что меня все равно не внесут в списки, а если даже это произойдет, то я не выдержу и одного семестра.

– Вам очень мешали? Я имею в виду студентов.

– Странно, но они досаждали мне гораздо меньше, чем я ожидала. Нашлись, конечно, пакостники, но большинство вело себя достаточно прилично. – Мисс Блэквел улыбнулась. – В конце концов один из докторов, мистер Ли, пришел к заключению, что мое присутствие в аудитории оказывает явно положительное воздействие на хулиганов. – Лицо ее приняло серьезное выражение. – Печальнее другое: горожане отнеслись ко мне более враждебно, чем студенты.

– О чем вы?

– Когда я впервые появилась в городе, стоило мне выйти на улицу, как люди собирались, чтобы поглазеть на меня, будто на диковинное животное. Вскоре я узнала: горожане искренне считают, что я либо шлюха, либо сумасшедшая. Поэтому я редко выхожу куда-нибудь. – Мисс Блэквел пожала плечами. – Я нахожусь либо в пансионе, либо в колледже. Это не так уж обременительно, поскольку учеба занимает все мое время.

– Что касается учебы... – Джемайна замолчала в нерешительности. – Не находите ли вы требования слишком высокими для вас?

– Да, некоторые вещи даются мне с трудом, особенно в анатомическом классе, где мы делали первое вскрытие трупа, а также когда начали изучать репродуктивные органы. – Мисс Блэквел мрачно улыбнулась. – Как только мы дошли до изучения этого предмета, доктор Вебстер потихоньку разрешил мне не посещать занятия. Но я решила пройти через все, с чем может столкнуться будущий врач. И выдержала, хотя сначала и была шокирована. Некоторые студенты краснели, другие хихикали, многие украдкой поглядывали на меня. Мне стоило больших усилий сохранять самообладание.

– Скажите, мисс Блэквел, что заставило вас принять решение стать врачом, несмотря на все трудности?

– На то несколько причин. – Мисс Блэквел задумчиво посмотрела на Джемайну. – Мой отец умер ужасной смертью, как и тетя, и я всегда думала о том, что они не скончались бы так преждевременно, если бы получили необходимую медицинскую помощь. Но окончательно на мое решение повлияла близкая подруга нашей семьи Мэри Дональдсон. – Немного помолчав, мисс Блэквел продолжила: – Ужасно умирать от рака. Болезнь измучила ее. Она откровенно рассказывала мне, как ей тяжело. Но больше всего она страдала оттого, что ее обследовал и лечил мужчина. Умирая, Мэри Дональдсон посоветовала мне попытаться стать врачом. Меня поразила эта идея, но Мэри заставила пообещать, что я по крайней мере подумаю об этом.

С того дня мысль стать врачом не выходила у меня из головы. Конечно, я считала ее бредовой. Женщина-врач – небывалое в истории событие! Я слышала о мадам Рестел из Нью-Йорка, которая называла себя врачом, о ней писали все газеты. На самом же деле она всего лишь делала подпольные аборт, приобретя известность и богатство благодаря своей более чем сомнительной практике...

Вернувшись в Филадельфию, Джемайна очень много работала над статьей. Наконец, добившись удовлетворительного результата, она с трепетом направилась к Саре Хейл. От Клары девушка узнала, что Сара не спрашивала о ней в ее отсутствие.

Когда Джемайна вошла в кабинет Сары, та подняла голову и улыбнулась ей.

– Дома все в порядке, Джемайна? Ты ведь знаешь, я не очень строго отношусь к подчиненным. Если тебе крайне необходимо было поработать дома, ты могла бы спросить разрешения непосредственно у меня, а не действовать через кого-то. Клара сказала мне, что все произошло довольно неожиданно, но даже в этом случае...

Джемайна с внутренней дрожью стояла перед столом главного редактора, прижимая к груди рукопись.

– Это ложь, Сара. Я не должна была втягивать в это дело Клару. Я поступила очень малодушно.

Сара нахмурилась.

– Ложь? Не понимаю.

– Я ездила в Джениву, взяла интервью у Элизабет Блэквел и написала статью о ней. – Джемайна положила рукопись перед Сарой. – Вот она.

В гневном порыве Сара подалась вперед, глаза ее сверкали.

– Ты занималась этим, не спросив у меня разрешения? Я же предупреждала, что такие материалы должны делаться только по заданию.

– Я боялась, что если приду к тебе...

Сара пристально посмотрела на нее.

– Боялась! Мне кажется, ты слишком нахальна, девочка! Сколько ты работаешь здесь? Три месяца? И уже совершаешь подобные вещи?

– Была причина, по которой я не могла прийти к тебе, – еле слышно выдохнула Джемайна. – Думала, что ты не разрешишь мне взять это интервью.

– И не ошиблась! – Сара стукнула ладонью по столу. – Я бы так и поступила...

– Пожалуйста, Сара, – прервала ее Джемайна. – Не предпринимай ничего, пока не прочитаешь статью. А потом я приму любое твое решение.

– Какая наглость! За все годы работы редактором я никогда... – Она посмотрела на рукопись, и помимо ее желания рука сама потянулась к ней.

Сара подняла голову. Ее гнев немного спал.

– Хорошо, я прочитаю статью. А сейчас тебе лучше оставить меня, девочка, пока я окончательно не вышла из себя.

Облегченно вздохнув, Джемайна повернулась, чтобы уйти.

– Джемайна?

Девушка обернулась, вопросительно взглянув на Сару.

– Как Элизабет отнеслась ко всему этому? Ты не... – Сара подозрительно сузила глаза. – Надеюсь, ты не сказала ей, что это я прислала тебя?

– О нет! Я только сообщила, что работаю в «Грудиз ледиз бук». Мисс Блэквел была более чем любезна.

Сара облегченно кивнула головой. Она подождала, пока за Джемайной закрылась дверь, затем откинулась в кресле, не отрывая от нее взгляда. Первоначальный приступ гнева прошел, но настроение было испорчено. Такое поведение непростительно даже для тех, кто уже давно работает в журнале, а тем более для новичка.

Вдруг ни с того ни с сего Сара тихо рассмеялась. Сколько раз она говорила Луису, что ей нужны энергичные, инициативные, а также одаренные редакторы и писатели? Так вот, эта девочка, несомненно, очень энергичная и инициативная!

Ближе к концу дня Джемайну позвали в кабинет Сары. Она шла будто на гильотину. Первый взгляд на начальницу не принес успокоения – она была сурова и сдержанна.

– Садись, Джемайна, – коротко бросила Сара. Когда Джемайна присела на кончик стула, та продолжила: – Я никак не могла решить, что мне делать с тобой. Ты произвела на меня очень хорошее впечатление за то короткое время, что проработала с нами. Ты очень старательная и трудолюбивая сотрудница и хорошо проявила себя в учебе. И тем не менее могу ли я оставить такой поступок без наказания?

Джемайна сидела, вся напрягшись и не осмеливаясь говорить.

– Только что ко мне приходила Клара и призналась, что в значительной степени повлияла на тебя в принятии этого безответственного решения.

Джемайна наконец решила, что необходимо высказаться:

– Да, она предложила написать такую статью, но вся ответственность за поступок лежит на мне, а не на ней.

– Верность подруге – весьма достойное качество. Одобряю. Однако...

Джемайна не могла больше ждать.

– А как статья, Сара? Она ужасна?

Сара пристально посмотрела на нее, затем засмеялась.

– Это единственное, что беспокоит тебя, не так ли? Если бы не статья, я бы, наверное, уволила тебя.

Джемайна затаила дыхание.

– В действительности... – Сара еще больше смягчилась. – Для новичка это прекрасно сделанный материал. Ты уловила сущность Элизабет Блэквел, какой я знаю ее. Ты нарисовала прекрасный портрет пером и чернилами, Джемайна.

Джемайна почувствовала, что начинает краснеть.

– О, благодарю, Сара!

– Не стоит. Я не скуплюсь на похвалы, когда работа заслуживает этого, – промолвила Сара немного саркастически. – Теперь вопрос: что делать с ней?

– Разумеется, опубликовать, если ты считаешь ее достаточно хорошей.

– Если бы все было так просто, – со вздохом сказала Сара.

– Боюсь, я не понимаю, в чем дело.

– Возможно, ты не знаешь, но у меня уже есть статья, посвященная Элизабет.

– Клара упоминала об этом, но, как она говорила, материал недостаточно хорош, чтобы печатать его.

– Действительно, ниже среднего уровня, но я бы использовала его. Однако Луис считает, что написанное об Элизабет отдает политикой. А поскольку статья к тому же не очень хороша, я не стала отстаивать ее.

Джемайна наклонилась вперед.

– А моя?

Сара с усмешкой посмотрела на девушку.

– Ты хочешь бороться с Луисом за публикацию своей статьи?

– Бороться с мистером Гоуди? Не знаю, я... – Джемайна выпрямилась. – Да, если ты считаешь, что это необходимо.

– О, конечно, необходимо. Возможно, нам вместе удастся убедить его. Я попросила Луиса прийти в мой кабинет в четыре. – Сара посмотрела на старинные часы в углу комнаты. Они показывали без пяти четыре. – Обычно он очень пунктуален.

Как бы в подтверждение ее слов раздался стук в дверь. Сара откинулась назад с улыбкой на лице, и Джемайна поняла, что ей доставляет удовольствие мысль о предстоящем сражении.

Вошел Луис Гоуди и остановился, увидев Джемайну.

– Луис, – начала Сара, – ты помнишь Джемайну Бенедикт?

– Конечно. Как поживаете, мисс Бенедикт? – холодно спросил он, затем повернулся к Саре: – В чем дело, Сара? Ты говорила, что надо обсудить нечто важное.

– Именно так. Но прежде... – Она взяла рукопись Джемайны и протянула ему через стол. – Думаю, тебе следует прочитать это.

Гоуди осторожно взял листы и, усевшись в кресло рядом с Джемайной, стал читать. Дойдя до конца первой страницы, он сердито поднял голову:

– Так это опять о Блэквел!

– Пожалуйста, Луис, прочитай все до конца, – настоятельно попросила Сара.

Пожав плечами, он продолжил чтение. Джемайна сидела очень тихо и мысленно уже готовила доводы в защиту своей работы.

Наконец издатель поднял голову, взглянув сначала на Сару, затем на Джемайну.

– Поскольку здесь стоит ваша подпись, мисс Бенедикт, полагаю, это написано вами. Прекрасная работа!

Джемайна воспарила, окрыленная надеждой, затем снова насторожилась, когда Гоуди сказал Саре:

– Кажется, у нас уже была статья на эту тему.

– Прежде всего ты должен признать, Луис, что эта намного лучше предыдущей.

– Очевидно. Однако меня беспокоит не ее качество, а сама тема.

К своему ужасу, Джемайна услышала, как неожиданно для себя произнесла:

– А что плохого в этой теме, сэр?

Гоуди внимательно посмотрел на нее.

– Юная леди, не ваше дело решать, что публиковать в моем журнале!

– Кому же, как не автору, отстаивать свою статью? – поддержала Сара. – Не сдавайся, Джемайна, – добавила она с одобрительным кивком.

Дело обернулось так, что дискуссия развернулась теперь между Луисом Гоуди и Джемайной.

– Моя позиция заключается в том, чтобы избегать политической полемики, мисс Бенедикт, – объяснил Гоуди.

– Не вижу в этой теме никакой политики, – возразила Джемайна. – Мисс Блэквел не стремится к общественной деятельности, а просто пытается стать врачом.

– Однако многие политические деятели были против ее поступления в медицинский колледж.

– Уверена, что многие мужчины были против этого, – сказала Джемайна, делая ударение на слове мужчины. – Но насколько я помню, вы не принадлежали к их числу, мистер Гоуди. Именно вы разрешили Саре оказать поддержку мисс Блэквел. Элизабет говорила, и я процитировала ее высказывание в статье, ее никогда не приняли бы в медицинский колледж без поддержки «Бук».

– Верно, и она вскоре станет доктором. Элизабет достигла того, чего хотела, зачем же снова возбуждать общественное мнение, публикуя эту статью?

– Мне казалось, наш долг – научить женщин добиваться своего.

Гоуди закрыл глаза.

– Что-то очень знакомое...

– Я цитирую то, что писала Сара в «Бук», – напомнила Джемайна.

Сара нетактично фыркнула.

– Попался, Луис!

– Но это только подтверждает мою позицию: материал публиковался до того, как Элизабет Блэквел приняли в колледж.

– Сара также писала, что веками в обязанности женщин входило заботиться о больных в доме. Почему же не дать им медицинское образование, чтобы они усовершенствовали свои знания и могли бы стать настоящими врачами? Даже такая выдающаяся личность, как доктор Оливер Вендел Холмс, согласился с тем, что женщинам надо разрешить посещать лекции по медицине.

– Юная леди, все это мне хорошо известно, – раздраженно молвил Гоуди. – Однако не доказывает необходимость публикации вашей статьи.

– А как же остальные?

– Что вы имеете в виду?

– Статья могла бы поддержать тех, кто хочет последовать примеру мисс Блэквел. Она как раз и говорит о том, что решительные женщины могут добиться своей цели.

– Я не намерен предлагать им такую поддержку, – проворчал Гоуди. – Моя цель – развлекать их.

– А также информировать и образовывать. Могу процитировать ваши же слова по этому поводу...

– Не стоит. – Гоуди поднял руки, прерывая Джемайну. Лицо его сделалось красным. – Я не хочу слушать свои собственные слова из уст дерзкой молодой женщины!

– Дерзкой, Луис? Я бы назвала ее смелой и решительной, – возразила Сара, забыв, что совсем недавно сама посчитала Джемайну чрезвычайно нахальной. – Сколько раз ты говорил мне, что хочешь иметь сотрудников именно с такими качествами, а не льстецов и подхалимов?

– Ты тоже очень дерзкая, Сара. Впрочем, ты всегда была такой. – Гоуди слегка улыбнулся, затем вскинул руки, как бы сдаваясь. – Хорошо! Публикуйте эту дважды проклятую статью! Она обязательно вызовет бурю протеста, но я не раз в прошлом выдерживал такое. – Он встал. – Ты преждевременно сделаешь меня стариком, Сара. А что касается вас, юная леди... – Он повернулся к Джемайне. – Когда в следующий раз вы решите написать статью, подобную этой, буду очень признателен, если вы сначала проконсультируетесь со мной.

Печально покачав головой, издатель быстрым шагом вышел из кабинета.

Джемайна была удивлена его столь неожиданной капитуляцией и в растерянности посмотрела на Сару.

Та улыбалась, как всегда, чувствуя эмоциональный подъем после победоносного завершения спора с Луисом.

– Разве я не говорила, что вместе мы имеем хороший шанс на победу?

– Спасибо за поддержку, Сара, – горячо поблагодарила Джемайна.

– Я всегда поддержу тебя, если посчитаю, что ты права. Однако, как и Луис, должна предупредить: в следующий раз посоветуйся сначала со мной.

Джемайна быстро кивнула:

– Хорошо, Сара.

– Мне кажется, твое журналистское будущее – именно в такого рода статьях, а не в беллетристике и поэзии.

– Клара сказала мне то же самое.

Сара кивнула:

– Клара – очень хороший редактор. Так что, думаю, тебе следует сосредоточить усилия именно в этом направлении. У меня уже есть для тебя задание.

Джемайна нетерпеливо подалась вперед.

– С некоторых пор я подумываю организовать здесь, в Филадельфии, женское миссионерское медицинское общество, – продолжила Сара. – Это сложное дело, совершенно новое по своей идее, и налаживание его потребует много сил и времени. Поскольку речь идет о врачах, люди полагают, что миссионерская деятельность касается исключительно мужчин. Цель общества, как я ее себе представляю, – в распространении медицинских знаний среди жен миссионеров или одиноких женщин-миссионеров. Гигиена, санитария и другие области медицины, от которых зависит здоровье людей, должны стать достоянием жителей других стран.

– Я и не подозревала, что существуют женщины-миссионеры.

– Пока их нет. – Сара улыбнулась. – Но надеюсь, что помогу исправить это упущение. Твоя задача – написать статью, возможно, даже серию статей, на основе которых я могла бы развить свою деятельность...

Джемайна была вне себя от радости, у нее даже голова пошла кругом: не только ее статья о Блэквел будет опубликована, но она также получила первое задание!

Глава 5

Джемайну не переставала удивлять Сара Хейл: настолько разной была эта женщина. Например, казавшаяся такой строгой и деловой на работе, она очень любила вечеринки и при каждом удобном случае посещала их или устраивала сама.

В октябре, через несколько дней после того как была принята к публикации статья Джемайны о мисс Блэквел, ее вызвали в кабинет Сары.

Когда девушка вошла, Сара оторвала взгляд от рукописи.

– А, это ты, моя дорогая! Хочу пригласить тебя на вечеринку в эту субботу. Ее устраивает Луис у себя дома. Там будет много литературных светил, например, Эдгар Аллан По.

– Буду счастлива, Сара. Могу я спросить, по какому случаю торжество?

– Это празднование важного события, Джемайна. В этом году в штате Нью-Йорк утвержден закон о собственности замужних дам. Он дает женщинам право владеть имуществом.

– И мистер Гоуди по этому поводу устраивает вечеринку? – удивилась Джемайна. – Я не знала, что он такой горячий сторонник прав женщин.

Сара озорно улыбнулась:

– Это я уговорила его устроить вечеринку. Вообще-то Луис не такой уж упрямый, как может показаться. Он очень осторожен, когда дело касается журнала. Между прочим, – Сара сделалась серьезной, – словосочетание права женщин вызывает у меня почти органическое отвращение.

Джемайна удивленно посмотрела на Сару, опять уловив некоторое противоречие: несоответствие взглядов этой необычной женщины тому, чем она занимается.

Сара улыбнулась, видя изумление девушки:

– Конечно, я решительно поддерживаю необходимость предоставления женщинам большей свободы и образования. Верю, недоступные им в настоящее время профессии станут доступны, и сожалею, что многим женщинам приходится работать в тяжелейших условиях. Но в то же время боюсь, женщины могут стать слишком требовательными и деспотичными. Я не призываю их жертвовать своей женственностью и очень надеюсь: мужчины в конце концов убедятся в том, что знания, равенство и свобода просто необходимы для женщин не только в смысле общественной пользы. Интеллектуальное развитие придает особое очарование их красоте и привлекательности, ко всеобщему удовольствию самих мужчин. Некоторым образом я приравниваю наше положение к рабству, вызывающему у меня огромное отвращение. – Сара поморщилась. – Рабовладелец может распоряжаться жизнью своих рабов. Мужчины имеют такую же власть над женщинами. Однако если мы попытаемся искоренить рабство, в стране начнется гражданская война. Точно так же, если женщины попытаются сбросить свои оковы слишком поспешно, начнется битва полов, в которой мы, вероятно, пока не одержим победу... – Сара замолчала, покраснев. – О боже! Я вовсе не собиралась читать тебе лекцию, но, кажется, именно это и делаю, не так ли, дорогая? Однако можем ли мы ожидать тебя на нашем небольшом званом вечере, Джемайна?

– С удовольствием, приду. Сара... – Джемайна замолчала в нерешительности, не уверенная, стоит ли говорить.

Сара вопросительно приподняла бровь.

– Да, Джемайна?

– Впрочем, ничего важного. – Девушка встала. – Благодарю за приглашение, Сара.

Выйдя из кабинета, она отправилась на поиски Уоррена Баррикона. Джемайна нашла его в отделе мод, где он наблюдал за отбором гравюр, которые должны были использоваться в следующем номере журнала.

– Уоррен, могу я поговорить с тобой?

– Конечно, Джемайна. – Он повернулся к женщинам, стоявшим рядом с ним, и указал на гравюру, которую они изучали. – Эта превосходна. Остальные отберем чуть позже. – Затем снова обратился к Джемайне: – Может, поговорим в моем кабинете?

Она кивнула, и он повел ее в соседнюю комнату. Джемайна впервые попала сюда. Это была небольшая комнатка со столом, двумя стульями и несколькими шкафчиками для хранения бумаг. Уоррен смущенно улыбнулся:

– Я должен извиниться. Знаю, мой кабинет выглядит не очень-то презентабельно, но я редко принимаю здесь кого-либо и потому совсем не забочусь о порядке. Не хочешь ли чашечку чая?

– С удовольствием.

Он, кивнув, подошел к одному из шкафчиков и зажег маленькую спиртовку, на которой стоял чайник. Было в этом мужчине что-то трогательно-домашнее. Он, должно быть, готовит чай, а возможно, и еду для своей больной жены дома, подумала Джемайна.

Пока Уоррен занимался чаем, девушка более внимательно осмотрела кабинет. Всюду на полу лежали журналы, а на столе – высокая стопка гравюр, рукописей и прочих бумаг. Кабинет крайне занятого человека. Даже слишком занятого, который полностью погружался в работу, видимо, пытаясь хотя бы на время забыться, отвлечься от своего безрадостного существования.

– С сахаром, с лимоном? – спросил он.

– С тем и другим, пожалуйста.

Через минуту он подошел к ней с чашками на подносе.

– Это цейлонский чай. Я покупаю только лучшие сорта – привычка, которая дорого мне обходится.

Присев на предложенный стул, Джемайна сделала глоток душистого чая. Уоррен подошел к своему столу и со вздохом сел сбоку от нее. Он отпил глоток и со стуком поставил чашку на блюдце. Его карие глаза с любопытством смотрели на девушку.

– Итак, о чем ты хотела поговорить со мной, Джемайна? Надеюсь, ничего ужасного не случилось?

– Нет. – Она возбужденно засмеялась. – Хочу спросить: ты собираешься пойти в эту субботу на вечеринку к мистеру Гоуди?

– Меня, естественно, пригласили. – Казалось, он слегка отдалился, прикрыв глаза. – Но сомневаюсь, что смогу.

– А я пойду и именно об этом хотела поговорить с тобой. – Джемайна замолчала, подыскивая нужные слова. – Я немного смущаюсь, но мне хочется посоветоваться с тобой по поводу того, что лучше надеть, – поспешно сказала она.

– Посоветоваться со мной? – Он весело посмотрел на нее. – Я уверен, что молодая благовоспитанная леди, какой являешься ты, Джемайна, не нуждается в советах мужчины!

– Разумеется, моя мама прививала мне вкус к одежде, но мы мало бывали на людях, а этот званый вечер... Сара сказала, что там будет много важных персон. Мне нужна более... изысканная одежда.

– По-моему, – ласково сказал Уоррен, – ты будешь там самой привлекательной независимо от наряда. – Он замолчал, смутившись, и снова прикрыл глаза.

Джемайна была польщена, однако сочла разумным не обращать внимания на его слова.

– Ты возглавляешь в журнале отдел мод, и я решила, что ты сможешь посоветовать мне что-нибудь подходящее, какой-нибудь последний фасон.

– Конечно, Джемайна, сделаю все, что смогу. Хотя в магазинах вряд ли можно купить новейшие модели. Мы предлагаем в нашем журнале наряды по последней парижской моде, и потребуются некоторое время, прежде чем они поступят в магазины Филадельфии. Но я с удовольствием покажу тебе более ранние образцы. Уверен, мы найдем то, что тебе понравится.

Уоррен замолчал, потягивая чай и глядя в чашку. Наконец он поднял голову.

– Джемайна... Я говорил, что не уверен, пойду ли на вечеринку, но сейчас думаю, что пошел бы, если ты окажешь мне честь и позволишь сопровождать тебя. – Джемайна удивленно посмотрела на него. Уоррен явно был смущен. – Понимаю, я женатый человек. Но это не проблема. Элис, моя жена, настаивает, чтобы я чаще бывал в обществе. – Лицо его стало грустным. – Я не говорил тебе, но уверен, ты слышала, что моя жена прикована к постели.

– Да, Уоррен, знаю и глубоко сочувствую тебе. Но что с ней? Кажется, никто не знает.

– Даже врачи, – мрачно ответил он. – Мы консультировались у многих, но бесполезно – все разводили руками.

– Мне очень жаль... Буду рада, Уоррен, если ты пойдешь со мной.

Он улыбнулся, прогнав уныние, и проворно встал.

– Что ж, начнем?

Уоррен порывлся в кипе журналов в углу комнаты и выбрал пару из них.

– Это майский и июньский номера. Ты можешь подобрать здесь фасон модного вечернего платья.

Уоррен снова сел и открыл один из журналов. Джемайна встала и склонилась над его плечом, в то время как он листал прекрасно оформленные страницы, многие из которых были сложены вдвое и защищены тонкой бумагой.

– Как видишь, – Уоррен указал на цветные иллюстрации, где были изображены группы женщин в вечерних платьях, – рукава короткие, а... – он слегка покраснел, – вырез на груди довольно глубокий. Юбки пышные, с широкими складками, отчего талия выглядит более тонкой без неприятного стягивания. – Уоррен снова покраснел и поспешил перейти к менее щекотливой характеристике: – Этот фасон называется «Корнелия». Наряд хорошо смотрится с шалью. Белые шали также популярны в этом году. Что касается ткани, – продолжал Уоррен, сделав небольшую паузу, – то очень хорош шелк «хамелеон». Он имеет два или три цвета, которые меняются в зависимости от освещения. Это платье очень хорошо подойдет тебе, Джемайна. А может быть, это?

Джемайна наклонилась над плечом Уоррена, любуясь вечерним платьем из крепа бледно-розового цвета с мелким рисунком на юбке, с широким поясом и парчовыми лентами того же оттенка. Прическа дамы, изображенной в этом наряде, сочеталась с лентами и венком из шиповника и лилий.

– Эти модели очень красивы, – сказала Джемайна, осторожно касаясь пальцами листа.

Уоррен посмотрел на нее, затем опустил глаза.

– Мне кажется, не красивее, чем ты, – пробормотал он.

При виде ее испуганного взгляда Уоррен разволновался.

– Мне не следовало говорить это. Ради бога, прости меня!

Джемайна почувствовала, что щеки ее начинают пылать. Это был неприличный комплимент, поскольку исходил от женатого мужчины. Но Уоррен так раскаивался, что девушка решила не обижаться.

– Ну, мне кажется, я просмотрела достаточно, чтобы выбрать подходящий фасон. Большое спасибо за помощь, Уоррен. Я очень благодарна, – сказала она, собираясь уйти.

– Рад был помочь, – довольно неловко ответил он. – Желаю удачи в поисках того, что ты хочешь.

Уже стемнело, когда Уоррен и Джемайна вышли из экипажа у здания на Честнат-стрит, где жил Луис Гоуди. Из дома доносился шум голосов, а сквозь узкие окна струился мягкий свет.

Джемайна купила в небольшой лавчонке неподалеку от шляпного магазина тети платье из прелестного коричневого барежа поверх ярко-голубого атласа. Платье так хорошо подошло ей, что потребовались лишь незначительные доработки. Прическу Джемайны украшал веночек

из коричневых бархатных листьев и голубых незабудок с лентами. Девушка была довольна своим видом. Такого элегантного платья у нее никогда не было.

Уоррен, улыбаясь, подал ей руку. Джемайна заметила, что, хотя обычно он одевался довольно небрежно, в этот вечер на нем были черная визитка из тонкого сукна, белый атласный жилет и кружевная рубашка с галстуком, а также узкие черные брюки. Ансамбль довершала высокая черная шляпа.

Уоррен похлопал Джемайну по руке.

– Ты готова к своему первому званому вечеру в Филадельфии, моя дорогая?

– Всегда готова.

Прежде чем они вошли в дом, Уоррен поделился:

– Элис спросила меня, хороша ли девушка, которую я буду сопровождать сегодня вечером, и я ответил: самая прелестная женщина, какую я видел с тех пор, как женился на ней.

– И что она сказала на это?

Уоррен посмотрел на Джемайну сияющими глазами.

– Поздравила меня.

Джемайна почувствовала, что краснеет, и опустила глаза. Замечания Уоррена смущали ее. Она подумала: как бы прореагировал отец, узнав, что она появилась в обществе в сопровождении женатого мужчины? Они поднялись по ступенькам на небольшое крыльцо, и Уоррен постучал дверным кольцом. Появился темнокожий слуга в ливрее и провел их в большую гостиную, заполненную людьми. Над их головой сверкала огромная хрустальная люстра с многочисленными свечами.

Наклонившись к уху Джемайны, Уоррен поинтересовался:

– Ты когда-нибудь встречалась с Джорджем Грэхемом, издателем «Грэхемз мэгэзин»?

– Нет еще, но я много слышала о нем.

Уоррен хихикнул:

– Помимо того что Грэхем и Луис Гоуди соперничают в бизнесе, они также соперничают и в организации наиболее шикарных вечеринок. Говорят, у Грэхема самая огромная люстра в Америке. А эта, – он указал головой вверх, – попытка Гоуди превзойти соперника.

Послышался чей-то голос:

– А, вот и вы! Добро пожаловать, Джемайна. И ты тоже, Уоррен. Не знаю, как тебе удалось соблазнить его, Джемайна, но я рада. Это полезно для него. – Рядом, широко улыбаясь, стояла Сара Хейл.

Джемайна покраснела.

– Я не соблазнила его, Сара... он... – Девушка замолчала, не находя слов.

Уоррен коснулся ее локтя и весело проговорил:

– Верно, Джемайна не соблазнила меня. Просто ей потребовался мой совет по поводу последних мод. Взамен я навязался сопровождать ее. Не могла же она явиться сюда одна!

– О, мне кажется, Джемайна вполне могла бы прийти и одна, – сухо заметила Сара.

В этот вечер Сара выглядела очень элегантно в черном шелковом платье с глубоким вырезом. Ее темные волосы ниспадали локонами, обрамляя полное лицо. Платье было украшено рубиновой брошью.

В этот момент к Саре подошел Эдгар Аллан По. Его выющиеся волосы были в беспорядке, глубоко посаженные глаза выражали томление и грусть. В руке он держал бокал с вином.

– О, Эдгар, – приветствовала его Сара, – вы еще не встречались с нашей новой сотрудницей Джемайной Бенедикт?

– Кажется, встречался, – ответил писатель, поглаживая свои пышные усы.

– Да, я видела мистера По в издательстве, когда пришла туда первый раз. Я горячая поклонница его таланта. Как вы себя чувствуете здесь, мистер По?

– Хорошо, как и ожидал, мисс Бенедикт. Я в превосходной компании, с хорошим вином и едой. Чего еще надо бедному автору в этом мире?

Он с трудом произносил слова, и Джемайна поняла, что По уже достаточно много выпил. Сара взяла ее за руку.

– Давай возьмем по бокалу вина, Джемайна, и я представлю тебя некоторым гостям.

Спустя несколько минут Джемайна с бокалом в руке двинулась с Сарой по комнате. Она встретила с Гоуди и его женой, показавшейся ей довольно скромной и застенчивой. Пухлое лицо Гоуди покраснело от волнения, и он сердечно приветствовал Джемайну.

В следующие полчаса Джемайна познакомилась с изумительными людьми, включая знаменитого романиста Натаниеля Готорна, который приехал в Филадельфию прочитать лекцию о своей последней работе, Лидию Сигурни, редактировавшую когда-то «Гоудиз ледиз бук» и до сих пор сотрудничающую с журналом, Паркера Уиллиса – автора статей о путешествиях и легких фантастических рассказов, а также многих других, чьи имена были неизвестны Джемайне. Присутствовали здесь и художники, оформлявшие «Бук» и другие журналы и книги.

Джемайна пришла в некоторое замешательство, когда Сара покинула ее, чтобы встретить новых гостей. Держа в руке бокал с вином, девушка огляделась, ища Уоррена. Она заметила его в противоположном конце комнаты, занятого беседой с мистером По. Джемайна не решилась пройти к нему через всю гостиную и отошла в угол.

– Так, значит, вы работаете в журнале Гоуди, да?

Она вздрогнула и обернулась, увидев Паркера Уиллиса, улыбающегося ей.

– Да, мистер Уиллис, я работаю там, но еще очень недолго.

– Вам нравится?

– О да, очень!

Уиллис кивнул, задумчиво поджав свои толстые губы.

– Я часто думал, если бы мне пришлось работать редактором – не дай Бог, чтобы это случилось! – я бы выбрал издательство Гоуди.

– Почему?

– Возможно, потому, что пишу для журнала. Гоуди не так строг в своих оценках. Знаете, он однажды заплатил мне пятьдесят долларов за статью объемом всего в четыре печатные страницы. Неслыханный гонорар! Многие вообще ничего не платят. Кроме того, Гоуди следит за тем, чтобы статьи обязательно печатались под именем автора, а другие издания не заботятся об этом. – Уиллис удовлетворенно кивнул. – Да, отношение Гоуди к авторам подобно солнечному свету в темном издательском мире. И Сара Хейл – превосходный редактор, пожалуй, самый лучший.

– Мне кажется, причины достаточно убедительные, чтобы оставаться автором, – заметила Джемайна, – и не становиться редактором.

– Верно, дорогая леди, верно. Поэтому я и останусь автором. Возможно, вы обратили внимание – я ведь сказал: если бы мне пришлось работать редактором.

– Конечно, несколько мужчин работают в журнале, – сообщила Джемайна с оттенком озорства. – Но большинство сотрудников – женщины.

– Да-да. Однако это, возможно, не так уж плохо. – Уиллис поправил прическу, пристально глядя на нее. – Особенно если женщины не замужем, молоды и хороши собой, как вы, моя дорогая.

– Благодарю вас, сэр, – ответила Джемайна, не обращая особого внимания на комплимент. Она взглянула туда, где беседовали, о чем-то споря, Уоррен и мистер По. К ним подошли еще несколько мужчин. Голоса споривших зазвучали громче. Джемайна с любопытством повернулась в их сторону. Извинившись перед Уиллисом, она пошла через комнату.

Подойдя ближе, Джемайна услышала взволнованный голос По. Она встала рядом с Уорреном и тронула его за плечо. Он повернул голову и улыбнулся ей.

Джемайна внимательно слушала собравшихся вокруг По гостей. Девушка была представлена большинству из них, но запомнила имя только Натаниеля Готорна, человека с внушительной фигурой, высоким лбом, глубоко посаженными глазами и густыми усами. Вскоре Джемайна поняла, что спор разгорелся вокруг серии статей Эдгара По под названием «Литераторы», опубликованных в «Гоудиз ледиз бук» несколько лет назад. В то время статьи носили очень спорный характер и, судя по нынешней реакции, остались таковыми до сих пор.

– Мои взгляды относительно Генри Уодсуорта Лонгфелло остались неизменными, – горячился По, поглаживая пальцем усы; его слова звучали еще более неясно, чем раньше. – В своих статьях я называл его подражателем и мастером выдачи чужих идей за свои. Этот парень – плагиатор, он скопировал мой «Дворец с призраками».

– Меня удивляет, что Лонгфелло не подал на вас в суд за клевету, – с улыбкой заметил один из мужчин.

– Это потому, что у него не было оснований, – торжествующе заявил По. – Он прекрасно знал, что я написал правду.

– А как насчет Томаса Дана Инглиша? Насколько я помню, эта статья наделала много шума.

– Возможно, я был слишком резок, – согласился По. Вскинув голову, он осушил свой бокал. – Я принес ему извинения и тут же получил ответный удар. Затем попросил «Нью-Йорк миррор» напечатать его клеветнический ответ. Если помните, я победил, получив компенсацию за моральный ущерб.

– Вы получили слишком мало, – пожал плечами его собеседник. – По-моему, вы потеряли гораздо больше из-за ущерба вашей репутации.

– Вы заходите слишком далеко, сэръ! – рассердился По.

– Сэръ, мне кажется, вы несправедливы к мистеру По, – вмешался Натаниель Готорн. – Прежде всего он имеет право на собственное мнение, и разве можно обвинять его в том, что оно не совпадает с мнением других?

Оппонент По язвительно засмеялся:

– Вам легко так говорить – вас он назвал выдающимся гением.

– Джентльмены, мне кажется, вы все упустили одну вещь, – раздался голос позади Джемайны.

Девушка повернула голову и увидела Оуэна Тэзди, одетого, как всегда, безукоризненно. Он улыбнулся ей.

– Что вы имеете в виду, Тэзди? – спросил один из мужчин.

– Тот неоспоримый факт, что статьи были чрезвычайно популярны. Первая публикация мистера По из серии «Литераторы», появившаяся в «Ледиз бук», послужила тому, что весь тираж журнала был немедленно раскуплен и потребовалось срочно печатать еще.

Один из мужчин усмехнулся.

– Популярность статьи не является критерием ее ценности.

– Почему? – отозвался Тэзди с озорной улыбкой. – Любой писатель стремится к популярности, славе и богатству.

– К славе – возможно, но едва ли к богатству, – проворчал По.

– Не ваша вина, мистер По, что ваш талант плохо оплачивается. – Оуэн похлопал писателя по спине.

– Дурная слава хуже бедности, – заметил другой джентльмен. – Мне известно, что Луис получил большое количество писем с жалобами на публикацию статей «Литераторы» и угрозами аннулировать подписки.

– Верно. Но я отказался удовлетворить жалобы, – сказал Луис Гоуди, который в этот момент подошел к спорящим и услышал последнее замечание. – Если вам довелось прочитать тот номер, в котором я напечатал первую статью из серии «Литераторы», вы вспомните мое

пространное заявление о том, что публикуемое мнение мистера По не обязательно совпадает с мнением журнала. Согласны мы с ним или нет, не имеет значения. Я неизменно заявлял также, что нас не испугают угрозы потерять друзей...

Оуэн коснулся локтя Джемайны и отвел ее в сторону.

– Я надеялся увидеть вас здесь, Джемайна, – проговорил он низким голосом. – Хочу принести свои извинения.

– Извинения? За что, сэр?

– По поводу статьи, которую вы написали об Элизабет Блэквел. Прекрасная работа! Признаться, я был приятно удивлен и почувствовал, что должен извиниться за пренебрежительные слова тогда, в поезде.

– Но где вы могли видеть статью? Она ведь еще не опубликована!

Он сделал неопределенный жест.

– У меня свои источники!

– Вам показала ее Сара? – спросила Джемайна.

– Хороший газетчик никогда не раскрывает свои источники информации, – улыбнулся Оуэн.

– Не могу поверить, что Сара сделала это!

– Какое это имеет значение? – Он стукнул тростью по полу. – Я только хотел сделать вам комплимент, черт побери!

– Я не нуждаюсь в ваших комплиментах, мистер Тэзди.

– Тем не менее вы заслужили его. А сейчас... – Он опять улыбнулся. – Поскольку у вас не было возможности поужинать со мной в Нью-Йорке, как вы смотрите на то, чтобы сделать это сегодня вечером?

– Я пришла сюда не одна, сэр, – холодно ответила Джемайна.

– В самом деле? – удивился Тэзди, отступая назад.

– Вам трудно поверить в то, что я смогла найти сопровождающего? – Его замешательство неожиданно развеселило девушку.

– Нет-нет, напротив. Однако это не приходило мне в голову...

– Я пришла с мистером Барриконом.

– С Уорреном Барриконом? – Он удивленно поднял брови. – Но у него есть жена.

– Прикованная к постели. Мы пришли сюда с ее благословения. Извините меня, мистер Тэзди, я должна поговорить с Сарой. – Джемайна быстро отошла, прежде чем он успел что-либо сказать.

Оуэн озадаченно посмотрел ей вслед. В этот вечер Джемайна выглядела особенно привлекательно, и он почувствовал себя немного уязвленным тем, что девушка отвергла его ухаживания. С другой стороны, молодой человек понимал, что слишком избаловался. Редко какая-либо женщина пренебрегала его вниманием.

Оуэн был удивлен, что Джемайна пришла в сопровождении Уоррена Баррикона, о котором он знал только понаслышке. Ему было известно лишь то, что его жена больна, и больше, пожалуй, ничего.

Тэзди медленно повернулся и заметил, что Баррикон смотрит на него с недовольным выражением лица. Затем взгляд Уоррена устремился вслед идущей через гостиную Джемайне. В тот же момент он снова посмотрел на Оуэна и, нахмурившись, двинулся в его направлении.

«Этот парень испытывает к Джемайне более чем дружеские чувства», – подумал Оуэн. Не имея настроения ссориться, он холодно кивнул Баррикону и отошел в сторону, затерявшись в толпе.

Глава 6

На следующее утро после вечеринки у Луиса Гоуди Джемайна решила поговорить с Сарой Хейл. Сара весело приветствовала ее:

– Тебе понравился вечер, дорогая? Я чувствовала себя превосходно, несмотря на то, что мистер По выпил лишнего и вел себя довольно... возбужденно. – Лицо ее приняло грустное выражение. – Однако, учитывая положение бедного Эдгара, думаю, его можно простить, хотя меня ужасно раздражает невоздержанность в чем-либо.

– Да, Сара. Я в восторге от вечера. Еще раз спасибо за приглашение. Ты знаешь, что там был Оуэн Тэзди?

– Конечно. Я приглашала его. Но, должна признаться, меня немного удивил его приход. Обычно Оуэн пренебрегает такими мероприятиями. – Она с любопытством внимательно посмотрела на Джемайну. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что... – Джемайна замолчала в нерешительности, затем поспешно сказала: – Ты давала ему почитать мою статью о Блэквел, Сара?

Сара поджала губы и положила руки на стол.

– В общем-то такие дела не касаются тебя, Джемайна, но я отвечу на твой вопрос. Да, он хотел взглянуть на статью, и я дала ему почитать.

– Но почему, Сара?

– Почему? Да потому, что Оуэн – мой старый друг и я ценю его мнение, – проговорила Сара спокойным тоном.

– Мне кажется, неэтично позволять посторонним читать что-либо до того, как материал напечатан.

– Неэтично? Когда ты заканчиваешь статью, Джемайна, и идет подготовка ее к печати, она больше не принадлежит тебе. Ты являешься сотрудницей журнала, и все, что ты пишешь, принадлежит нам. – Сара постукивала пером по столу с суровым выражением лица. – Даже если бы ты была независимым автором и я бы приняла от тебя рукопись, она также больше не принадлежала бы тебе. Конечно, материал должен быть напечатан под твоим именем, но, если он принадлежит нам и я считаю необходимым показать его кому-то, это моя прерогатива. Разумеется, я не позволю читать рукопись кому попало, но Оуэн не посторонний.

Джемайна не успокоилась:

– Не знаю, чем Оуэн Тэзди отличается от других.

– Он отличается тем, что является хорошим репортером, на мой взгляд, лучшим среди тех, кого я знаю, Джемайна. Он рассказал мне, что встретил тебя в поезде и ты сообщила ему, что собираешься брать интервью. Это правда?

– Да, это так.

– Он сказал, что ему интересно узнать, как ты пишешь. Если это утешит тебя, Оуэн согласился, что получилась прекрасная статья.

Джемайна поняла по тону Сары, что продолжать этот разговор бессмысленно и даже рискованно. Она встала.

– Думаю, ты имеешь право делать со статьей все что захочешь.

– Разумеется.

Джемайна направилась к двери.

– Джемайна...

Девушка обернулась.

– Рукопись не дитя, моя дорогая, хотя я понимаю чувства автора, защищающего свою работу, словно ребенка. – Улыбка Сары смягчила ее слова.

Несмотря на то, что Джемайна находилась в Филадельфии уже больше трех месяцев, она мало видела город. Ей приходилось проводить время либо в издательстве, либо дома с тетей.

В тот день, закончив работу, она никак не могла успокоиться, чувствуя себя обиженной, оттого что Сара позволила Оуэну Тэзди прочитать ее рукопись до публикации. Джемайна решила немного прогуляться, прежде чем пойти домой. В таком настроении ей было не до болтовни тетушки.

Джемайна знала, что в Филадельфии есть много исторических мест. Например, Карпентер-холл, где Томас Джефферсон, Джон Адамс, Патрик Генри и другие патриоты Америки участвовали в работе Континентального и Конституционного конгрессов. В этом городе была принята и подписана Декларация независимости Соединенных Штатов.

Филадельфию, с ее двадцатидвухтысячным населением, называли Афинами Америки. Здесь находились одна из крупнейших библиотек Соединенных Штатов, первый в стране научный музей и знаменитая академия художеств, основанная художником Чарлзом Уилсоном Пилем. В течение девяти лет Филадельфия являлась столицей государства, а теперь стала городом, где наиболее развито издательское дело.

Джемайна прошла по Честнат-стрит, вглядываясь в окна фешенебельных магазинов. Когда на улице зажглись газовые фонари, она вошла в кафе «У Раузела» – первое, где появилась газированная вода, и задержалась там, заказав ароматное мороженое.

Выйдя из кафе, она побрела по боковым улочкам. За исключением нескольких главных улицы в Филадельфии были гораздо уже, чем в ее родном Бостоне. Большинство кирпичных домов стояли вплотную к тротуарам. У входа, как правило, возвышались белые мраморные ступени, огороженные металлическими перилами. В целом многие улицы были похожи на те, что в Бикон-Хилле.

Внезапно Джемайна ощутила приступ ностальгии. Она обещала родителям, что приедет на рождественские каникулы, хотя до этого еще далеко. Погрузившись в унылые воспоминания, Джемайна брела, не замечая, куда поворачивает. Неожиданно она услышала позади себя скрип колес и испуганно огляделась по сторонам, слишком поздно поняв, что заблудилась. Она оказалась на узкой улочке с большими зданиями, похожими на фабрики, а впереди виднелась река Делавэр. Ее предупреждали, что эти места в прибрежной части города небезопасны для прогулок в одиночестве.

Было уже темно, а уличные фонари располагались только в конце каждого квартала. Джемайна находилась в середине. Вместо освещенных окон жилых домов на нее смотрели закоптелые темные окна фабрик.

Она осознала, что не слышит больше скрипа колес, и обернулась. Сердце ее гулко забило от страха: в двух шагах от нее остановился кабриолет. Мужчина, сидевший в нем, пристально смотрел на нее глубоко посаженными глазами. На какое-то мгновение голова этого человека, скрытая тенью, показалась ей голым черепом.

Джемайна отступила назад под его наглым, оценивающим взглядом.

– А ты хорошенькая, – проговорил он низким голосом. – К тому же одна.

Мужчина привязал поводья и медленно ступил на тротуар. Он был высоким, грузным, широкоплечим, с черными длинными взлохмаченными волосами; одет небрежно. Его узкое изможденное лицо выглядело неестественным в сочетании с мощным телом. Мужчина двинулся к ней, и Джемайна заметила, что у него черные как смоль маловыразительные глаза. На вид ему было около пятидесяти пяти лет.

Джемайна отступала, пока не уперлась спиной в стену позади нее. Для такого крупного мужчины он двигался довольно легко и быстро и теперь уже вплотную приблизился к ней. Не отрывая взгляда от его лица, Джемайна начала осторожно пробираться вдоль стены.

Незнакомец шел следом и в конце концов уперся руками в стену по обеим сторонам от головы Джеймайны, оказавшейся таким образом в ловушке. Девушка отчаянно толкнула его руку и почувствовала, что та тверда, как железо.

– Зачем так торопиться, милашка? Почему бы нам не познакомиться?

Приблизительно в то же самое время, когда Джеймайна разговаривала с Сарой, Оуэн Тэзди находился в кабинете своего редактора Каррузерса.

– У меня есть для тебя задание, Тэзди, – сказал Каррузерс в своей обычной резкой манере.

Оуэн развалился в единственном предназначенном для посетителей кресле и пытался разглядеть лицо редактора сквозь клубы сигарного дыма.

– Куда мне ехать на этот раз?

– Никуда ехать не надо, – зло бросил Каррузерс. – Задание здесь, в городе.

Оуэн встревоженно приподнялся.

– В Филадельфии? Я же полевой корреспондент, Томас, и не работаю в городе вот уже несколько лет.

– Тебе неплохо бы вспомнить, с чего ты начинал, Тэзди. – Каррузерс отогнал дым от лица. – И подумать об этом. Кажется, ты уже возомнил, что задание в городе недостойно тебя?

– Нет, конечно. Но это было так давно.

– Да, но сейчас ничего другого нет. Некуда посылать тебя, а ты – на окладе. Тебе известно, мы не благотворительная организация. Ты должен отрабатывать свои деньги.

Оуэн тяжело вздохнул.

– Хорошо, Томас, какое задание?

– Ты когда-нибудь слышал о человеке по имени Лестер Гилрой?

Оуэн на минуту задумался.

– Не могу сказать.

– Он не местный, прибыл из Нью-Йорка. Имеет солидное дело по изготовлению одежды – шьет пиджаки, мужские рубашки, производит обувь. Нам стало известно, что он подыскивает в Филадельфии здание, чтобы купить его.

– Ты полагаешь, он собирается открыть здесь швейную мастерскую?

– В этом-то все и дело. У Гилроя плохая репутация, и мы не желаем, чтобы он открывал здесь предприятие.

– Кто это мы? – спросил Оуэн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.